

ческой форме в его возрасте! Но голова начинает сдавать, это мягко говоря. Показывает мне шкатулку, береги, говорит, это самое для меня дорогое, это итог жизни. Я поначалу подумал, что завещание, но потом сообразил, что мемуары, старик давно грозился их написать. Нет чтобы сразу их мне отдать, так он их в сейф запер.

— Мемуары Николы Теслы представляют огромную ценность, — заметил секретарь.

— Они бесценны!

Косанович с секретарем торопливо вышли из отеля. Вслед им, захлопнув блокнот со стенограммой разговора, двинулся человек среднего роста в черных ботинках на толстой каучуковой подошве, сером костюме, мышинного цвета пальто и надвинутой на самые глаза шляпе. Неприметность человека бросалась в глаза. «ФБР», — дружно подумали обитатели, посетители и служащие отеля, провожая его взглядами.

Глава 9

Приключения посыльного

Карриген пребывал в замешательстве. С одной стороны, он точно знал, что Марк Твен умер много лет назад. С другой стороны, мистер Тесла сказал, что он третьего дня читал ему свой роман, как бишь его, «Таинственный незнакомец». Карриген благоговел перед Теслой. Старик, конечно, был со странностями, с большими странностями, хотя, если вдуматься, не такими уж и большими с учетом возраста, скорее следовало удивляться тому, что он дожил до такого воз-

раста, сохранив ясный ум. До этого дня все, что говорил ему мистер Тесла, было истинной правдой и всегда сбывалось. Какие у него основания не верить мистеру Тесле и сейчас? То, что все считают Марка Твена давно умершим? Но сколько раз бывало, что все, абсолютно все ошибались, а мистер Тесла выходил прав.

Мелькнула спасительная мысль — а не посоветоваться ли с начальником отделения. Но Карриген тут же отбросил ее. Начальник был из новых, из новых во всех смыслах. Он не знал мистера Теслу и, похоже, вообще не понимал, что значит дорожить старыми клиентами и как надлежит выполнять их маленькие причуды. А вот так! Карриген бодро отправился на Пятую Южную авеню. Точнее говоря, на Западный Бродвей — так уже лет двадцать называлась после переименования эта авеню. Дома, как принято в Америке, тоже получили новые номера, весьма произвольные в соответствии с пожеланиями владельцев, так что ему придется затратить немало усилий, чтобы выяснить, где во время оно располагался нужный дом. Дом-то он нашел, в целости и относительной сохранности, но никто в округе не знал мистера Марка Твена.

Карриген был обескуражен. Как же так? Ведь мистер Тесла сказал! И он поплелся обратно в отель «Нью-Йоркер».

— Вам удалось разыскать моего друга? — спросил с порога Тесла. — Как он вас принял? Дурачился, наверно, по своему обыкновению, изображал рубашку-парня с Юга?

— Боюсь разочаровать вас, мистер Тесла, но мне

не удалось найти мистера Марка Твена, — опустив голову, сказал Карриген.

— Почему: Марка Твена? — изумился Тесла. — Кто сказал: Марка Твена? Как можно найти несуществующего человека? Я посылаю вас к мистеру Сэмюэлю Клеменсу! Да вы на конверте посмотрите, я, помнится, написал.

Карриген достал конверт. Действительно: Сэмюэлю Клеменсу, Пятая Южная авеню, 35. Он сгорал от стыда. Перепутать фамилию адресата — такого с ним еще не случалось.

— Я найду мистера Сэмюэля Клеменса, обещаю, мистер Тесла, — сказал он, поспешно выходя в коридор.

В третьем по счету баре ему повезло.

— Я знаю всех в округе, — сказал ему завсегдатай бара, — конечно, только порядочных людей, тех, которые ходят в бары по пятницам. Но мистер Сэмюэль Клеменс... Погодите, погодите. Точно! Вам, скорее всего, нужен Сэм, на мистера он пока не тянет, но парень что надо. Он в наших краях недавно, поэтому еще не все его знают, и мнит себя писателем.

— Да, да, очень похоже! — воскликнул обрадованный Карриген.

— Второй дом за углом, — махнул рукой в сторону спаситель, — там сдают комнатенки, гордо именуемые меблированными квартирами. Спросите Сэма, уж там-то его все знают, этот парень не затеряется в толпе.

Карриген припустил к указанному дому.

Дверь открыл высокий мосластый парень с растрепанной шевелюрой и пышными усами, обряжен-

ный в ковбойку в крупную красно-черную клетку и синие, местами вытертые до белизны джинсы.

— Вы по поводу оплаты? — несколько смущенно спросил он, но, заметив пакет в руках Карригена, тут же сменил тон. — Э, приятель, ты мне хочешь что-то предложить. Ты обратился не по адресу. На мели, гол как сокол, бьюсь как рыба об лед, а в кармане хоть шаром покати.

Акцент выдавал в нем уроженца южных штатов.

— Мистер Клеменс? — уточнил Карриген.

— Клемси, Клемси. Но зови меня просто Сэмом, приятель, мне так привычнее.

— Вам посылка и письмо, сэр.

— Посылка — это сюрприз, а письмо жду не дож-дусь. Давай!

Сэм буквально вырвал конверт из рук Карригена и, не дав тому возможность осуществить хитроумный план ретирады без ответа, тут же развернул письмо и принялся читать.

— О, таинственный незнакомец! Святой Николай услышал мои молитвы! — воскликнул он, вынимая банкноты и пересчитывая их. — Тютелька в тютельку, сколько надо!

— Шкатулка, сэр, — напомнил Карриген, протягивая шкатулку.

— Поставь на стол. Отныне я буду любоваться ею, не смея заглянуть внутрь. Ко мне никто никогда не обращался с такими просьбами, разве что в прошлой жизни. Ты веришь в переселение душ, приятель?

Карриген неопределенно пожал плечами.

— Я, честно говоря, тоже. Я верю в слияние душ, в слияние тел. А переселение — лишь необходимый

этап на пути к этому. Вижу, ты меня не понимаешь. Все просто! В Кранмере меня ждет девчонка, классная девчонка, и теперь я могу переселиться к ней, чтобы слиться душой и телом. Сегодня же и отправлюсь! Какой же я был дурак, что сюда приехал, в эти каменные джунгли, на эти тесные авеню. То ли дело у нас, парк — да и только.

— Ваша правда, сэр, в Грамерси-парк намного комфортнее. Извините за напоминание, шкатулку не забудьте взять с собой.

— Ни в коем случае! Что угодно могу забыть, а ее — никогда. Она будет стоять в нашем доме на самом почетном месте, я завещаю ее детям, которых мне родит моя Мэри, а те своим детям. Вы знаете другой способ сохраниться в вечности? Вот и я не знаю!

Сэм перебрал банкноты, с легким вздохом отделил самую мелкую, в пять долларов, и протянул Карригену.

— Премного благодарен, но это слишком много, — ответил тот.

— Что ж поделать, приятель! Я несколько не преувеличивал глубину моей финансовой пропасти. На ее дне не завалялся даже паршивый никель. Да и твоя услуга стоит того — ты изменил мою жизнь.

— Все равно не могу принять, учитывая ваши стесненные обстоятельства. Вы сами сказали: тютелька в тютельку.

Так они препирались некоторое время, все больше проникаясь симпатией друг к другу. Наконец Карриген открыл причину своего упорства: пославший его мистер Тесла (не слышали? великий человек!), об-

радованный успешным выполнением сложного поручения, несомненно даст ему двойные чаевые, так что в накладе он не останется. На том и расстались.

Карриген как в воду глядел. Мистер Тесла отвалил ему всю кучу квотеров, что лежала на тумбочке у входной двери и предназначалась для чаевых, все пять долларов и семьдесят пять центов! Как будто больше никого не ждал.

Глава 10

Старый соратник

Он и не ждал. Разделавшись с посетителями, непривычно многочисленными, Тесла некоторое время ходил по номеру, тихо декламируя:

Но я к загробной жизни равнодушен.
В тот час, как будет этот свет разрушен,
С тем светом я не заведу родства.
Я сын земли. Отрады и кручины
Испытываю я на ней единой.
В тот горький час, как я ее покину,
Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства ни звались,
Не любопытно, где его пределы,
И есть ли там, в том царстве, верх и низ.

— Какая чушь! — воскликнул Тесла. — О, глупый, недалекий Фауст, сжигаемый низменными земными страстями! Он, видите ли, равнодушен к загробной жизни, ему не любопытно! Еще как любопытно! В этой жизни нет ничего более любопытного, чем иная жизнь. Если бы он знал!.. Если бы он знал, не бросался бы та-

кими словами — хоть не расти трава. Трава должна расти, и по ней должны ходить люди, непременно — любопытствующие люди. Без них, без наблюдателей, без материализаторов, иной мир ничто, царство неопределенных теней, колебание эфира. Он есть, и его нет. Эти молодые люди, придумавшие волновую механику, верно угадали. Это Ты показал Шредингеру формулу? — спросил Тесла, подняв голову к небу и упершись взглядом в потолок. — А ведь он нисколько не лукавил, говоря, что взял формулу с потолка, — усмехнулся Тесла. — Вот она, ограниченность кругозора! Получили откровение, но не рискнули распространить его за пределы мира мельчайших частиц. Если все будут таковы, то у меня ничего не выйдет. Это будет очень досадно! Я не хочу навсегда покидать этот мир. Он хоть и не идеален, но он — живой. Я люблю жизнь.

Тесла продолжал мерить комнату своими гигантскими шагами.

— Любопытствующие, конечно, есть, — сказал он вслух, — но их любопытство какое-то суетное, приземленное. Взять того же Савву... — Тесла досадливо покачал головой. — Боюсь, он ничего не понял. И не поймет. Надо ему еще какой-нибудь знак оставить.

Подумав, Тесла подошел к сейфу, открыл его и вынул конверт. В нем была единственная фотография. Тесла долго с любовью смотрел на нее, потом поцеловал и положил на шкатулку. Затем он снял со стены фотографию колорадской лаборатории, извлек ее из рамки и слегка надорвал верхний край. Долго рылся в столе, ища ручку, — он уже много лет писал карандашами. Наконец нашел, расписал перо на пустом конверте, заключил надпись на фотографии в элеган-

ный, с завитушками катуш. Фотографию — в сейф, на шкатулку, скомканный конверт — в урну, дверцу сейфа — на замок, ключ — в карман. Все!

«Терпеть не могу зависеть в своих экспериментах от кого бы то ни было! — воскликнул мысленно Тесла. — Всегда предпочитал работать один, все делать своими руками, все видеть своими глазами».

В этот момент раздался осторожный стук в дверь. «Савва, наверно, вернулся», — подумал Тесла и распахнул входную дверь. На пороге стоял пожилой, коренастый мужчина в кепке, с тощей хозяйственной сумкой в руках. Сняв кепку, он сказал:

— Мистер Тесла! А вы совсем не изменились. Вот, проходил мимо, думаю, дай зайду наудачу, вдруг вы сможете меня принять. Ведь мы так давно не виделись.

— Рад видеть вас, Коулмен, — Тесла был явно обрадован, — а вы тоже нисколько не изменились, я вас сразу узнал. Как только кепку сняли, — рассмеялся он и сделал широкий приглашающий жест. — Заходите, мистер Шито. Несказанно счастлив увидеть старого соратника и, позволю сказать, друга.

Мужчину звали Джулиусом, Джулиусом Шито. Но он не подумал поправлять Теслу или обижаться на него. Он ведь и сам в последнее время стал путаться, разглядывая старые фотографии, где он, а где его отец. По мистеру Тесле, с которым они стояли рядом на фотографиях, разве ж определишь, он не грузнел с годами и всегда был затянут, как в униформу, в одинаковые элегантные костюмы.

— А уж как я рад видеть вас в добром здравии! —

откликнулся Джулиус, входя в номер и оглядываясь. — Все один живете...

— Живу!

— А я вот к дочке приехал, вернее, к внукам. Вообще-то, они всегда к нам приезжали на Рождество, как положено. Да и лучше у нас, всего два часа езды на поезде, а как будто другой мир: и лес у нас, и люди другие. В общем, собирались всей семьей. А тут младший внук приболел, вот и решили встретиться в Нью-Йорке. Ну а как приехал, так и задержался. Вот уж скоро две недели, но завтра уезжаю. Да-а... Услышал, что вы теперь в этом отеле живете, решил навестить.

— Спасибо. Так у вас большая семья?

— Да, два сына, две дочери, обе замужем, внуки, внучки, большая семья.

— Очень хорошо! А что с работой?

— Я давно на пенсии, мистер Тесла. Но как без работы? Все что-то мастерю дома. Игрушки, во всех смыслах. Да и как работаю? Поковыряюсь часок и — в кресло, отдыхать. А как сел, так и сидишь, вспоминаешь, как мы с вами, мистер Тесла, работали. Как работали! Помните, как привезли оборудование в Уорденклиф? Вы тогда аж дрожали от нетерпения и предвкушения, точь-в-точь, как наша старая охотничья собака, когда мы с отцом шли с ней в лес. Так вам хотелось побыстрее установить оборудование, включить его и начать свои эксперименты. Мы с парнями работали как заведенные десять часов, вы кричите: «Сверхурочные — вдвое!» — а мы и рады стараться. Перекусили и — вперед. А вы даже не обедали, все так и работали, парни поражались, ну да им это было вно-

ве. Еще через десять часов: «Тройная ставка!» — нам все нипочем. Перекусили и — вперед.

— Так вот на чем я разорился! — рассмеялся Тесла.

— Не на этом, мистер Тесла. Ведь потом вы подняли ставку вчетверо. Но к исходу второго дня мы спеклись, повалились на пол тут же, в лаборатории. Помню, просыпаюсь, не могу понять, то ли утро, то ли вечер. Только вижу вас, работающего, все в той же белоснежной рубашке, это меня спросонья больше всего поразило.

— Я просто каждые восемь часов менял рубашки. Безумно жаль было тратить на это время, но — надо!

— А потом мы работали еще сутки, не переставая, и, лишь подключив все приборы, отправились спать в отель. Прихожу с утра, а вы за столом, что-то записываете в журнал, как не уходили.

— А я и не уходил! — воскликнул Тесла. — К сожалению, те труды пропали зря. Мы так и не провели в Уорденклифе ни одного крупного эксперимента из тех, что я намечал. Кончились деньги — кончилась работа. Вы ведь, если не путаю, жили там еще несколько лет. Как, наверно, грустно было бродить вам по обезлюдевшим лабораториям среди мертвого оборудования.

— Веселого было мало, это верно. Но ведь вы иногда приезжали, мистер Тесла, и мы с вами включали приборы, и опять сверкали молнии, и вы сотрясали землю и небо. Помните, в июне 1908-го...

— У вас поразительная память, мистер Шито, — сказал Тесла, внимательно глядя на собеседника.

— Что вы! Все уже забываю, очки по часу ищу, приду в магазин, а зачем пришел, что хотел купить —

не помню. Но тогда, в июне 1908-го, у меня сын родился, такое ж разве забудешь? Пока, по крайней мере, помню.

— Да что Уорденклиф! — воскликнул Тесла. — Великая мечта! А вот Колорадо-Спрингс... Там мы действительно кое-что сделали. Помните, Коулмен?

Джулиус не помнил, потому что не был в Колорадо-Спрингс. Но отец столько раз рассказывал ему о колорадских экспериментах, что Джулиус представлял все въяве. Он кивнул головой.

— Я тогда задумал сразу в сто раз поднять рекордную планку достигнутых напряжений и собрал с вашей помощью уникальный осциллятор с высоченной антенной.

— С мачтой, мистер Тесла, с мачтой! Она прошивала здание посередке, возвышаясь точно над осциллятором. Там еще была раздвижная крыша! Как она смотрелась снизу! Упиралась в небо! Двести футов! Медный шар наверху казался маленьким, меньше бейсбольного мяча, а ведь был четыре фута в диаметре. Как мы его поднимали!..

— Да, вы тогда хитрую штуку предложили, я поразился!

— И премию дали.

— Не помню, но за такое не мог не дать. Да и как не дать, если эта премия вполне могла стать последней, — улыбнулся Тесла. — Я ведь, честно говоря, не знал точно, чем все это завершится. Предполагал, конечно, но... — Тесла развел руки и пожал плечами.

— Именно поэтому вы и приказали мне включить рубильник лишь на одну секунду?

— Попросил, мистер Шито, попросил. Именно поэтому. А сам на всякий случай встал у дверей, но так.

чтобы видеть сквозь раздвинутую крышу шар на вершине мачты. Включай, крикнул я.

— А я включил и тут же сказал себе: выключай! И — выключил. Одно мгновение, а до сих пор стоит перед глазами. Эта катушка в центре лаборатории, покрытая всполохами огней. Как трава в воде шевелится. И шелканье такое вокруг, как будто стая птиц налетела. А сверху треск, такой, когда молния в огромный дуб попадает и раскалывает его до самой земли.

— А каким же еще ему быть! Ведь это и была молния! Ведь вот ждал — и не мог поверить глазам своим. Какое это было зрелище! Впервые!.. Вот тогда я приказал безо всяких формальностей: врубай, Коулмен!

— И я врубил!

— Вырубай!

— Уже вырубил.

— По второму разу эффект был не тот. Да и крыша, хоть и раздвижная, обзор закрывала. Я решил посмотреть на все с улицы. А вас попросил не выключать, пока не крикну. Но как было остановить такую фантаσμαгорию?! Молнии раз от разу становились все длиннее. Три метра, пять, десять, двадцать! Они были длиннее здания. И в руку толщиной! И с каждым разом все более голубые!

— А я — то страху внутри натерпелся! Отодвинулся от щита, а ну как коротнет, но руку на ручке рубильника держу, чтобы как только, так сразу. А вокруг! Искры летают, не поверите, со шмеля и жужжат, и ужалить норовят. А сверху бабахает, раз за разом, бах-бах-бах. Светло, как... как никогда в жизни, как в Судный день. Стены ходуном ходят. Все, думаю, пиз... Извините, мистер Тесла.

— Ну что ты! Ты тогда и не такое кричал.

— Я еще и кричал?

— А то! Сквозь грохот молний доносилось! Та-та-та-та.

— Это я вам сигнал подавал, что я живой, — нашелся Джулиус, — вы-то молчали, я и думаю: живой ли там мистер Тесла или уже... медным шаром накрылся. Чуть было рубильник не отключил из-за этих мыслей. Во как! И вдруг — тишина. И вы заходите в дверь, такой весь в визитке, в котелке, с тростью и спрашиваете таким голосом, что меня мороз продрал по спине: мистер Шито, зачем вы остановили мой эксперимент?

— Ну кто же знал, что это сгорел генератор на станции.

— И вот тут уже вы закричали. Вы никогда так не кричали, по крайней мере, при мне. Можно было подумать, что вы хотите докричаться до начальника станции напрямую, хотя у вас была телефонная трубка в руках. «Говорит Никола Тесла, — изобразил Джулиус, — вы отключили у меня электричество. Немедленно верните мне МОЕ электричество».

— И ведь действительно — мое.

— Да, мистер Тесла.

— Славные были времена!

— Славные, мистер Тесла.

Два старика, тяжело дыша, опустились в кресла. Тесла смотрел на своего старого сотрудника, и чем дальше, тем сильнее в нем крепло убеждение, что...

— Мистер Шито, — сказал Тесла, — у меня есть к вам просьба.

— Приказывайте, мистер Тесла! Я буду рад испол-

нить все, что в моих силах и более того, в два, три и даже четыре раза.

— Возможно, это моя последняя просьба, — продолжил Тесла, все еще погруженный в раздумья.

Наконец он встал, подошел к сейфу, открыл его, переложил фотографии на среднюю полку, достал шкатулку и вновь запер сейф.

— Здесь, мистер Шито, лежат документы, повествующие о некоторых экспериментах, которые мы когда-то провели вместе с вами, — сказал он, ставя шкатулку на журнальный столик. — Я давно хотел обнародовать их, но люди — люди как будто сошли с ума. Все воюют и воюют. Вот и сейчас идет война, возможно, она будет самой кровопролитной в истории. А после нее в течение еще многих лет побежденные будут изживать горечь поражения, а победители будут ожесточенно делить лавры победы. Нескоро придет время до некоторых моих изобретений, нескоро человечество научится использовать их во благо, а не во вред. Поэтому я хочу передать эти документы следующим поколениям, которые будут добрее и мудрее нынешнего. Я прошу вас сохранить эти документы, пусть они станут известны только внукам ваших внуков, и тогда, я верю, они заживут в новом, лучшем мире.

— Я сделаю все, как вы сказали, мистер Тесла. Вы же знаете, я никогда не подводил вас.

— Никогда, — ответил Тесла и, спохватившись, продолжил: — Голова дырявая! Совсем старый стал! У меня есть еще одна просьба, которая обременит вас несколько больше.

Он жестом пригласил Джулиуса следовать за ним, прошел в кабинет, показал рукой на стол.

— Голубка, — сказал Джулиус, — точно такая же, как та...

Тесла с изумлением посмотрел на старого друга.

— Да, сколько уж лет прошло, — продолжал Джулиус, — пятнадцать, никак не меньше, а я помню. Вы тогда в «Пенсильвании» жили, в отеле «Пенсильвания». Такая же была, белая, с серыми крапинками. Красивая. Тоже умерла. Вы ее тогда похоронить попросили и плиту положить, прямо как человеку, и ухаживать, значит, за могилкой. Я все исполнил! Мои-то все посмеивались поначалу, а теперь как приедут; так первым делом к ней, к голубке, цветы кладут. Уж я над ними посмеиваюсь. Ну, я все понял. Я их рядом положу.

— Там никого не будет, — сказал Тесла.

— Конечно, я понимаю, столько лет прошло. Я все сделаю, мистер Тесла!

Джулиус, молча попросив разрешения Теслы, взял газету и завернул в нее голубку, положил сверток в сумку, на шкатулку. Постоял немного, умильно глядя на Теслу, потом поклонился и двинулся к дверям. И тут Тесла, повинуясь внезапному порыву, сделал нечто совершенно невообразимое. Он шагнул навстречу Джулиусу и обнял его, уткнувшись носом тому в макушку. Тесла неловко похлопал его рукой по спине и чуть отодвинулся, все еще держа Джулиуса руками за плечи.

— Прощай, старый друг. Нет, до свидания. Мы еще увидимся.

— Мы еще увидимся, мистер Тесла, — эхом отозвался Джулиус, не пытаясь сдержать слез.

— Да, мистер Шито, чуть не забыл! — воскликнул Тесла. — В ваш дом никогда не попадет молния.

— Я знаю, мистер Тесла. У меня стоит громоотвод.

Глава 11

Шиз-вумэн

Саров открыл глаза и какое-то время пытался сообразить, где он находится. Незнакомая комната, широкая кровать, обои в розочках. Холодно — забытое ощущение. Два раздраженных голоса, мужской и женский, не студенты. Проплыли мимо. Три хлопка, багажник и две дверцы машины, урчание двигателя, шорох покрышек. Тишина.

Мотель, сообразил Саров. Потряс головой, разгоняя остатки сна. Сел на кровати, опустив ноги на пол, будто в таз со льдом поставил. Вскочил и бегом отправился в душ. Ударила струя ржавой воды. «Твою мать! — воскликнул в сердцах Саров. — И за это они дерут столярник! Да пятнадцать лет назад за эти деньги можно было в «Хилтоне» переночевать». Пятнадцать лет назад Саров не останавливался в «Хилтоне», собственно, он ни разу в жизни не был в «Хилтоне», но «Хилтон» ассоциировался с богатством, это имя в Калифорнии, да и не только в Калифорнии, было на слуху.

Все понемногу входило в нормальную колею. Вода пошла чистая и даже горячая. Допотопного вида фен неожиданно заработал. Саров провел внешней стороной ладони по выбритым щекам — годится. Аккуратно причесался, натянул джинсы, достал джемпер из сумки, похвалив себя за предусмотрительность, надел куртку поверх джемпера, совсем хорошо стало. Сумку с ноутбуком на плечо, сумку с вещами в руку, ключ от номера — администратору. А вот и старушка-«Королла». Саров выехал с территории мотеля и

медленно двинулся по дороге, высматривая кафе. Глянулось третье по счету, остановился, заказал целый кофейник и яичницу с беконом, сел за столик в почти пустом зале, где было трое таких же, как он, бе-долаг, вынужденных куда-то ехать ранним воскресным утром.

Куда его несет?

Вчерашним утром все представлялось по-иному. Проснулся он в удивительно бодром состоянии духа. Было какое-то необычное ощущение начала новой жизни. Неожиданное увольнение воспринималось уже не как трагедия и даже не как досадная неприятность, а как необходимый этап перехода к «новой реальности». Именно это выражение и пришло ему тогда на ум, он еще очень подивился, потому что никогда его не использовал, более того, ко всем этим «новым реальностям», «новым уровням сознания» и тому подобной «новизне» он относился скептически и шарахался от них, как черт от ладана.

Он проверил электронную почту. Послание от вчерашнего корреспондента, как бишь его, да, Фрэнсиса, Фрэнсиса Клиффорда. Традиционное американское «You are welcome!», номер телефона вместо подписи и три пришпиленных файла, три карты с нанесенным маршрутом. Зачем так много? Вполне хватило бы одной, с планом Санта-Фэ, где проживал этот самый Фрэнсис. Уж до Санта-Фэ он как-нибудь бы и сам добрался, для этого ему даже карты не нужно, ездил и не раз по этой трассе.

У них это называется близко! В приличных европейских странах на такие расстояния — только самолетом. На крайний случай — скоростным поездом, не

российским скорым, а именно что скоростным, под триста. Но этот Фрэнсис, похоже, не сомневался, что он поедет именно на машине, ишь как вычертил маршрут: от северо-восточного угла их университета по Сансету в сторону Пасадены, потом по 210-му до 15-го. И в спешке, видно, залез линией на территорию университета, прямо на третий паркинг, где, так совпало, Саров держал свою машину.

Это уж он потом сообразил, зачем были нужны три карты. Чистая психология! Ведь вот ездил же он по этой трассе, а все равно купился. Две крупномасштабные карты съели расстояние на третьей, казалось, вот выедешь из большого Лос-Анджелеса, проедешь немного, и ты в Санта-Фэ, вот там, в незнакомом городе, придется покрутиться. Лишь проезжая Викторвилль, Саров понял, что до Санта-Фэ он добрался бы разве что к полуночи, да и то если не пить, не есть и все время жать педаль газа до полу.

Но в Санта-Фэ он не спешил. По дороге у него было еще одно дело, которое никак нельзя было откладывать. А с учетом предощущения начала новой жизни, так тем более. Кто знает, куда его эта новая жизнь зашвырнет, так и с сыном повидаться не успеешь. А когда еще представится такая возможность — who knows, как говорят в Америке. Именно им в нос...

Таньке он нарочно не стал звонил заранее, с нее станется услать куда-нибудь парня, а потом расссыпаться в притворных сожалениях: ах, какая незадача, ах, как Ромочка расстроится, я ему и говорить не буду, чтобы не расстраиваться, он ведь так редко видит отца, позвонил бы раньше, хотя бы за две недели, мы бы все переиграли, но Ромочка очень бы расстроился,

если бы не смог поехать... Куда поехать? Да какая разница, Танька бы придумала, у нее это ловко выходит.

К ланчу добрался до Йермо, доехал почти до самого их дома, только тогда позвонил. «Ах, какая незадача! Ах, как Ромочка расстроится!» — ответил Танькин голос. Он, конечно, съездил в школу, уточнил, что баскетбольная команда, куда входил запасным Роман Сароу, уехала на матч куда-то под Лас-Вегас, вернуться поздно вечером в воскресенье. Он тяжело вздохнул: от судьбы не уйдешь! Вновь набрал Танькин номер. В дом она его не пригласила, да он бы и сам не пошел. Встретились на нейтральной территории, в кафе. Поговорили, о сыне, естественно. Обошлось без обычных Танькиных наездов и упреков, и вообще она показалась ему какой-то пришибленной. Или у них тоже что-то случилось в черную пятницу? Только подумал, как сразу у него с языка и полилось: и о вызове к Большому боссу рассказал, и о том, как в кафе напоследок с коллегами посидели, и о том, что с работой сейчас полная жопа, когда устроится и устроится ли вообще — вилами по воде писано. Танька пригорюнилась, и не только из-за алиментов. Ничего, мы потерпим, сказала она и больше к этому не возвращалась. У тебя значка-то есть, спросила она без всякой задней мысли. Нет, ответил он искренне. Плохо, сказала она, очень плохо, я бы тебе дала в долг, да мы сами в долгах как в шелках. Давай, говорит, отъедем куда-нибудь в сторонку, курить хочется, сил нет, а здесь нигде нельзя. Выехали за город. Много времени это не заняло. Ну и дыра, думал Саров, следуя указаниям Таньки, сонный городишко, с тоски тут подохнешь. Со всеми местами, где они жили, пока были

вместе, и сравнивать нельзя, небо и земля, а уж о Лос-Анджелесе и говорить нечего, Таньке бы там понравилось.

Пришел ее черед изливать душу. За два года, что они прожили врозь, много всякого накопилось, за отсутствием подруг все это вылилось на Сарова, далеко не лучший объект для признаний. Он бы мог, конечно, позлорадствовать: за что боролась, голубушка, на то и напоролась. Но не злорадствовал, все ж таки она, Танька, своя, какая—никакая. И сын у них, а с ним, как водится, проблемы, у него трудный возраст, у детей всегда трудный возраст. А что ее Юджин — козел, так это он и так знал, даже не будучи с ним знаком: Что брать с торговца автомобилями? Подержанными автомобилями, без всяких на то оснований добавляя всегда Саров, желая еще больше принизить преемника. Он, по словам Таньки, в религию ударился. Они тут, в Америке, все на этом двинутые. Не так, как в России, где верят не столько в бога, сколько в высшую справедливость. Эти же верят как—то прямолинейно, буквально, от а до я, или уж скорее до z. Верят в Парня наверху, верят, что Он следит за всеми их делами и раздает пряники за хорошее поведение, верят, что они — богоизбранный народ, в загробную жизнь, черт их побери, верят в самом что ни есть каноническом варианте, с райскими кущами, с прогулками под ручку с Большим боссом и вечным блаженством. И ладно бы просто верили, это, в конце концов, их личное дело, но ведь они эту веру другим навязывают, и весьма агрессивно. Даже американские коллеги—физики бросали на него укоризненные взгляды, когда он позволял себе высказывания, которые можно было

счесть атеистическими. С ума они, что ли, сошли? Или их так затюкали? Впрочем, эти проповедники кого угодно затюкают. Особенно если их слушать. Американцы слушают. Или сами в проповедники подаются. Вот как Танькин Юджин. Но проповедует он не с телеэкрана, а, можно сказать, в пустыне, то есть в их городишке. Судя по специфическому раздражению, прорывающемуся в Танькином голосе, на это уходит весь его пыл. «В каждом проповеднике живет несостоявшийся торговец подержанными автомобилями», — вспомнил Саров слышанную где-то сентенцию. Танька, как водится, глубину мысли не оценила, даже немного обиделась: он состоявшийся, просто у него сейчас временные трудности, как у всех. Они немного поспорили, но беззлобно. Расстались вечером, по-доброму, Саров даже удивился, насколько мирно прошла их встреча. Но, глядя вслед идущей к дому Таньке, он вдруг осознал, что она принадлежит другой, прошлой жизни. Что ему с ней делить? Что доказывать?

* * *

Ему пришлось вернуться чуть назад, чтобы попасть на сороковую трассу, а дальше он помчался навстречу солнцу. В Винслоу они встретились. Солнце зависло в зените, наблюдая, как Саров перекусывает в придорожном кафе, потом каждый отправился своим путем, солнце — на запад, Саров — по-прежнему строго на восток. По бокам дороги, до самого горизонта простирались унылые пейзажи, собственно, один пейзаж — пустыня, расчерченная извилистыми линиями дорог, отходящих к видневшимся в отдалении

редким городишкам и поселкам. От Альбукерке Саров свернул на север, на двадцать пятую.

Уже в сумерках подъехал к Санта-Фэ. Следуя плану, нашел Бергер-стрит, поехал вдоль линии домов, таун-хаусов и отдельных коттеджей, выстроенных в традиционном местном стиле, симбиозе украинских мазанок и европейского фахверка, белые оштукатуренные стены расчерчены темными линиями деревянных балок, вот только крыши плоские, зачем тут крыши с крутыми скатами, если скатываться нечему? Как этот стиль называется, попытался вспомнить Саров и — не вспомнил. Все бы ничего, но как-то однообразно и голо. Деревьев почти нет, да и кустов возле домов тоже немного. Возможно, весной проявятся какие-нибудь клумбы с цветами или хотя бы газоны, а пока вокруг домов — мертвое пространство, как будто все асфальтом укатано.

Один дом выбивался из этого ряда. По обеим сторонам невысокого крыльца зеленели два пушистых прямоугольника, что-то вроде туи, рядом стояла скамейка, на которой сидел соломенный Страшила из «Волшебника Изумрудного города». Из «Волшебника страны Оз», поправил себя Саров, так вернее, хотя, в сущности, одно и то же. Он посмотрел на номер дома и резко нажал на тормоз — приехали! Этот Фрэнсис живет с женой или матерью, думал он, направляясь по дорожке к дому.

Дверь открыла молодая женщина лет двадцати восьми — тридцати, довольно высокая, с развитыми формами, которые подчеркивали тесные джинсы и обтягивающая водолазка, с пышными волосами и сильно загорелым, несмотря на зимнюю пору, лицом.

— Добрый вечер, прошу извинить за поздний визит, — сказал Саров, — могу ли я видеть мистера Клиффорда, Фрэнсиса Клиффорда?

— Мистера Клиффорда? — женщина удивленно подняла брови. — Здесь нет никакого мистера Клиффорда, Фрэнсиса Клиффорда, — и тут же рассмеялась, глядя на обескураженное лицо визитера, — может быть вас устроит мисс Клиффорд? — и, протягивая руку для рукопожатия: — Фрэнсис Клиффорд, можно — Фрэнси, так даже лучше.

В голове Сарова одна за одной пронеслось несколько мыслей. «То-то у меня было ощущение какой-то неестественности во время нашей переписки, такого-то то ли обмана, то ли розыгрыша, в ларчик-то просто открывался!» Но он не успел сосредоточиться на этой в целом очень верной мысли, как накатила давний, еще советских времен анекдот: а сейчас четыре гарных хлопца з Ливерпулю запевают песню «Шиз-вумэн» или на мове: «Вона це баба». И тут же: «Черт бы подрал этот английский язык. Искренне ваш оказался искренне вашей, Фрэнсис оказалась Фрэнсиськой, Фрэнсисихой, нет, все же, скорее, Фрэнсисенькой. Милая, однако, женщина», — подвел итог Саров и с некоторым опозданием протянул руку.

— Питер Саров.

— А можно — Пётр? — спросила женщина.

— Можно, — сказал Саров, — Пётр.

— Пётр, — повторила Фрэнсис, — не получается! Я буду тренироваться. Проходите. Я ждала вас еще вчера, к вечеру.

— У меня нет летающего домика, — ответил Саров,

вспомнив соломенную фигурку у входа, — и я не волшебник.

— В каждом из нас сидит волшебник, но мало кто об этом догадывается.

Так разговаривая, они прошли в дом, расположились в большой кухне-столовой, выпили кофе и даже чего-то съели.

— С вами так интересно разговаривать, Пьётр, — сказала Фрэнсис, — но ведь вы приехали сюда по делу, — она тяжело вздохнула и поднялась из-за стола, — я сейчас принесу документы.

«Можно подумать, что это я по собственной инициативе приехал, чтобы донимать несчастную женщину всякими скучными делами», — подумал Саров.

Фрэнсис быстро вернулась, неся в руках невысокую шкатулку красного дерева размером чуть больше листа формата А4 с латунным врезным замком.

— Вот, — сказала она, — подержите, пожалуйста, я протру стол.

Саров взял шкатулку в руки, с удовольствием ощущая пальцами фактуру натурального дерева. Осмотрел ее, остановившись взглядом на свежих царапинах на латунном замке.

— Я открыла ее пилкой для ногтей, — пояснила Фрэнсис, перехватив направление взгляда, — я вам писала об этом.

«Писала, — мысленно согласился Саров, — и будь я немного внимательнее, я бы сразу все понял».

Он поставил шкатулку на стол и вопрошающе посмотрел на Фрэнсис.

— Она не заперта, — ответила Фрэнсис, — зачем?

Да и как бы я ее заперла, пилкой для ногтей? — хихикнула она.

Саров откинул крышку. Шкатулка была заполнена доверху. Саров бросил взгляд на верхний документ — proforma invoice, счет-фактура по-нашему, ксерокопия. «Что ксерокопия — понятно, нечего оригиналы мять почем зря, но зачем складывать их в шкатулку, для антуражу, что ли?» Он взял в руки счет, к нему был прикреплен медной скрепкой чертеж, обычная электрическая катушка, если размеры проставлены в дюймах, но никаких значков у цифр не было. Футы? Многовато выходит, прикинул Саров, хотя для Теслы... Ладно, потом разберемся, если будет, с чем разбираться, повторил он свою любимую присказку и взял следующий документ. То же самое, только устройство другое. Таких документов набралось девять.

— Для меня это — темный лес, — сказала Фрэнсис.

Саров лишь недоуменно пожал плечами — чего тут сложного? Он взял следующий документ. Машинописный текст. Никола Тесла. «Величайшее свершение человека».

— Неопубликованная статья, — подсказала Фрэнсис, — то есть при жизни неопубликованная. Я нашла ее по Интернету, почти слово в слово с этим.

— А что, есть различия? — спросил Саров.

— Совсем несущественные, действительно несущественные, что называется, редакторская правка, да и то в одном месте. Нет, не так. То, что в Интернете, слово в слово с тем, что напечатано здесь, а различия — в правке, рукописной правке. Там, внутри.

Саров быстро пролистал страницы. Правка была только на одной. Мелким почерком, похожим на по-

черк Теслы, было внесено несколько поправок, действительно, чисто редакторских, поменены местами слова, какое-то слово заменено на его точный синоним, сплошной текст разбит на абзацы. Саров перечитал кусок, подвергшийся правке.

«У такого развитого существа, как Человек, появляется таинственное, непостижимое и непреодолимое желание — подражать Природе, творить, самому совершать те чудеса, что видит он вокруг себя. Вдохновленный этим желанием, он ищет, открывает и изобретает, разрабатывает и конструирует, и покрывает планету, на которой рожден, прекрасными, величественными и грандиозными памятниками. Он нисходит в недра Земли и извлекает ее тайные сокровища, высвобождает заключенные в ней могучие энергии, заставляя их служить себе; опускается в темные пучины океана и возносится в лазурное небо; заглядывает в самые сокровенные тайники и глубины молекулярных структур; проникает взором своим в бесконечно далекие миры. Он подчиняет и ставит себе на службу неистовый, разрушительный огонь Прометея, титанические силы водопадов, ветров и волн морских; укрощает сверкающие молнии Юпитера и устраняет время и пространство. Само великое Солнце он превращает в послушного и усердного раба. Сила и могущество его таковы, что от одного лишь звука голоса его содрогается небо и дрожит земля.

Какое же будущее ждет это странное существо, рожденное из дыхания, из бранных тканей, но бессмертное в своих ужасных и божественных силах? Какое чудо совершит он в конце? Каким будет его величайшее свершение, его главное достижение?

Уже давно осознал он, что вся воспринимаемая и осязаемая материя происходит из первичной и непостижимо тонкой субстанции, что заполняет собой все пространство, — Акаши, или светоносного эфира, на который воздействует оживотворяющая прана, или творческая сила, создающая в непрерывных циклах все сущее и всякое явление. Первичная субстанция, вовлекаясь во вращающиеся с огромной скоростью, но бесконечно малые вихри, превращается в грубую материю. Но затем сила убывает, движение прекращается, и материя исчезает, вновь растворяясь в первичную субстанцию.

Может ли Человек управлять этим самым грандиозным, самым волнующим из всех процессов природы? Может ли он заставить ее неистощимые энергии выполнять все свои функции по его велению, а тем более делать лишь то, что нужно ему?

Если он сможет это, то получит почти безграничные и сверхъестественные силы. По его велению и при минимальном усилии с его стороны будут исчезать старые миры и появляться задуманные им новые. Он сможет закреплять, уплотнять и сохранять возникающие в его воображении бесплотные формы, мимолетные видения из своих снов и грез. Он сможет выражать все творения своего ума в любом масштабе, в формах реальных и нетленных. Он сможет изменить размеры своей планеты, управлять сменой времен года, направить ее по любому пути сквозь глубины Вселенной. Он сможет порождать и развивать жизнь во всех ее бесконечных формах.

Создание и уничтожение материальной субстанции и собирание ее в формы по собственному жела-

нию станет величайшим проявлением силы человеческого ума, самым большим триумфом над физическим миром, его главным достижением, которое поставит его рядом с его Творцом, позволит ему исполнить свое главное предназначение».

Акаши, светоносный эфир, на который воздействует оживотворяющая прана, — как он это не любил! Многие из поклонников Теслы сосредотачивались именно на этом, пренебрегая всем остальным, и чем больше они приставали с такими вопросами к Сарову, тем сильнее росло в нем чувство отторжения всей этой «мистики», так он это называл. Уж для таких-то поклонников эта статья — бальзам на душу. Создание и уничтожение материальной субстанции и собирание ее в формы по собственному желанию — из этого они такое выведут, что только держись. А ведь Тесла, несомненно, имел в виду нечто вполне конкретное, надо будет прочитать всю статью. Саров уже собрался отложить листы в сторону, как вдруг замер, удивленно присматриваясь к тексту. Ба, да это же не ксерокопия! Это оригинальный текст, напечатанный на пишущей машинке с несвежей лентой, а правка внесена простым карандашом.

— Это не ксерокопия? — уточнил он у Фрэнсис.

— Нет, конечно, — ответила она, — это то, что лежало в шкапулке, я сложила все точно так же.

— А это? — спросил Саров, показывая на стопку счетов и чертежей.

— Так и лежали, — вновь повторила Фрэнсис.

Саров взял один из счетов, присмотрелся к нему.

— Отличная копия! — сказал он. — Кто бы мог по-

думать! Но почему вы сами не сделали ксерокопии, Фрэнсис?

— При копировании могут пропасть некоторые детали, — несколько туманно ответила та.

Саров обнаружил еще три статьи Теслы с небольшими правками, потом очередь дошла до довольно толстой, прошитой стопки машинописных листов, при взгляде на которую он удивленно воскликнул:

— О, Марк Твен, «Таинственный незнакомец»! Но это здесь зачем?

Фрэнсис в ответ лишь пожала плечами и изобразила недоумение на лице.

— Я, к своему стыду, как и не прочитал этой повести, — сказал Саров, — у нас дома, ну, в России, было собрание сочинений Марка Твена, полное, как уверяли, толстенные тома, — он показал пальцами, какие толстые, — штук двенадцать, наверно. Я их в детстве все прочитал.

— Все?! — восхищенно ахнула Фрэнсис.

— Конечно, мне очень нравился Марк Твен. Но этой повести там точно не было. Ее у нас почему-то не перевели. Да и в Америке, как я потом узнал, ее судьба была далеко не простой. Начнем с того, что писал ее Марк Твен лет десять, что совсем на него не похоже. Возможно, что он так ее и не закончил, в том смысле, что не придавал ей окончательного вида. Ведь опубликована она была лишь через шесть лет после его смерти, а в каком варианте — бог весть!

— В этом варианте, — просто сказала Фрэнсис, показывая на рукопись.

— А я тут рвораюсь! — рассмеялся Саров. — А вы-то все и так знаете! И наверняка читали повесть, в отличие от меня.

— Читала, вот эту рукопись, — ответила Фрэнсис, — но ничего не поняла.

— Ну, что-то, наверно, все же поняли, — улыбнулся Саров, немного снисходительно.

Он отложил рукопись Марка Твена, взял большой конверт, на котором было написано: «К моим мемуарам», сокрушенно вздохнул — тонковат конверт, вынул десяток листов.

На первом было напечатано:

«Амер. Инст., май 1891, лекция.

Из всех видов природной — неизмеримой и вездесущей энергии, которая постоянно меняется и движется, словно душа, оживляя Вселенную, электричество и магнетизм являются, возможно, самыми поразительными. Мы знаем, что электричество — это несжимаемая жидкость, и ее количество в природе постоянно, что электричество нельзя создать или уничтожить и что электрические и эфирные явления тождественны... Мы летим в бесконечном пространстве с непостижимой скоростью. Все вокруг вращается, движется, все — энергия. Должен существовать какой-нибудь способ прямого доступа к этой энергии. Тогда, черпая из этого источника свет, безо всяких усилий извлекая любую форму энергии из неисощимых запасов, человечество будет продвигаться вперед гигантскими шагами. Одна мысль об этих невероятных возможностях расширяет наш горизонт, укрепляет наши надежды и наполняет сердца восторгом».

Под текстом была приписка рукой Теслы: «По прошествии пятидесяти лет мне не стыдно за мои слова,

мое видение проблемы нисколько не изменилось, а полученные экспериментальные результаты лишь укрепили меня в этом мнении». И дата: январь 5, 1943.

Саров поднял удивленный взгляд на Фрэнсис.

— Я вам писала, что один документ помечен пятым января 1943 года, последним днем, когда Теслу видели живым, — сказала она, — это он.

Удивление Сарова было вызвано другим — он не упускал связи между цитатой и припиской. Чего можно было стыдиться в давнем тексте, что не изменилось и что укрепилось? Что тут было таким важным, что побудило Теслу обратиться к этому тексту в последний день жизни и даже сделать такую энергичную приписку? Саров перевернул страницу.

«Инст. Франклина, Филадельфия, февраль 1893, лекция.

В этом мире не существует ни одного объекта, наделенного жизнью, начиная с человека, покоряющего стихии, и заканчивая самыми крохотными существами, который бы не оказывал влияния... В то же время, все живые организмы и объекты инертной материи подвержены воздействию стимулов извне... Не может произойти разрыва этой связи, не существует ни одного отдельного жизненного феномена... Какое бы действие ни осуществилось, будь оно хоть самым незначительным, космическое равновесие нарушается, и в итоге происходит движение Вселенной... Один и тот же закон управляет всей материей, вся Вселенная наделена жизнью... Только тогда мы можем получить представление о величии Природы,

когда понимаем, что в соответствии с законом сохранения энергии, где бы то ни было, силы находятся в совершенном равновесии, и поэтому энергия даже одной мысли может определить движение Вселенной».

Никаких приписок на этой странице не было, как и на других, числом около десяти, содержащих, судя по подзаголовкам, выдержки из различных выступлений и статей Теслы на протяжении почти пятидесяти лет. Листы эти, за исключением первого, с автографом Теслы, не представляли никакой исторической ценности и Саров засунул их обратно в конверт.

Взял следующий, без надписи и довольно пухлый. Когда он вертел его в руках, клапан конверта откинулся и на стол высыпался ворох бумажек. Саров взял несколько наугад. Все как писала Фрэнсис: вырезки из газет, счета из радиомагазинов, карандашные наброски каких-то схем и устройств, математические расчеты, сделанные на бумажной салфетке в ресторане. На отдельном листочке красивым готическим шрифтом было выведено:

Was du ererbt von dienern Vätern hast,
Erwirb es, um es zu besitzen¹.

J. -W. Göthe, Faust

— Это цитата из «Фауста», — подсказала Фрэнсис, — я нашла это место в немецком варианте, потом достала переводы, — она вынула откуда-то лис-

¹ Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить наследство.

точек с написанными двустишиями и протянула Сарову, — их оказалось несколько, все разные, по смыслу разные, я еще прямой перевод сделала, то есть машина сделала, это последнее, там, внизу.

Саров пробежал взглядом варианты перевода. Действительно, разные.

— Непонятно, — сказал он.

Фрэнсис согласно кивнула.

— Непонятно, — продолжил Саров, — зачем Тесла написал это, ведь он знал «Фауста» наизусть.

Он принялся складывать бумажки в конверт.

— Нет, нет, позвольте мне, я это уже не раз делала, — мягко отстранила его Фрэнсис.

Между их руками проскочила искра. Фрэнсис испуганно вскрикнула. Саров взял ее руки в свои.

— Что вы делаете? — удивленно спросила Фрэнсис.

— Заземляю, — ответил Саров.

— Вы опускаете меня на землю? Что-то не так?

— Все так, Фрэнсис.

Он выпустил ее руки, взял следующую стопку скрепленных листов и застонал.

— Что случилось, Пьётр? — обеспокоенно спросила Фрэнсис.

— Ну почему это только копия! — воскликнул Саров, показывая ей первый из рукописных листов.

«Июнь 1931 года

Потсдам, Германия

Дорогой мистер Тесла!

Я рад узнать, что вы отмечаете свой семьдесят пятый день рождения и, будучи успешным первопроходцем в области изучения токов высокой частоты,

стали свидетелем бурного развития этой области технологии.

Поздравляю вас с величайшим успехом вашего дела.

Альберт Эйнштейн

Наискосок почерком Теслы было написано: «Издаётся или не понимает? Надо ответить».

Саров быстро просмотрел следующие страницы. Это были тезисно написанные заметки о времени и пространстве, в которых Тесла не столько критиковал построения Эйнштейна, сколько предлагал альтернативную концепцию, допускающую существование эфира и не содержащую постулативного ограничения скорости света. «Не спеша и на свежую голову», — сдержал свое нетерпение Саров и отложил рукопись в сторону.

Далее шел сверток с каким-то странным вложением. «Диск, твердый, но не цельнометаллический, канавки, прорези, — думал Саров, ощупывая сверток, — что бы это могло быть?» Он не спешил разворачивать оберточную бумагу, пытаясь угадать, небольшая игра для разрядки.

— Почему-то на ум приходят вещи, которые никак не могут находиться в этой шкатулке среди документов, типа шкива, или, наоборот, вещи, которых заведомо не могло быть в сорок третьем году, вроде таких бобин с магнитной лентой для первых электронно-вычислительных машин или магнитофонов, — сокрушенно улыбаясь, сказал он Фрэнсис.

Та лишь загадочно улыбнулась в ответ, отрицательно покачала головой и взглядом показала на

сверток: ну же, давай, открывай. Саров развернул бумагу, внутри лежала бобина с лентой. Саров только глянул на заправленный в специальный держатель кончик ленты, как сразу хлопнул себя ладонью по лбу и рассмеялся.

— Если вдуматься, то едва ли не самое очевидное. Как же я о кино забыл?! Но это мы даже смотреть не будем, по крайней мере, не сейчас, — он повернулся к Фрэнсис, — или там что-нибудь интересное?

— Я не знаю, — коротко ответила она.

— Да, это не документы, — согласился Саров, — тут техника нужна.

У них опять произошла маленькая схватка с Фрэнсис за право упаковать вещественное доказательство, как окрестил пленку Саров. Победила, естественно, Фрэнсис, а Саров обратился к документам, лежащим на самом дне шкатулки. Это были копии писем. Саров принялся читать их подряд, благо, они были короткими.

«22 сентября 1899 года

Дорогой Лука,

прошу нижайше извинить меня за долгое молчание, но со мной тут произошли удивительные события. О некоторых ты, вероятно, уже слышал, о других я могу пока рассказать только тебе. Кроме всего прочего я приручил дикую кошку по имени Молния и хожу весь исцарапанный. Но в этих царапинах, Лука, кроется истина. В каракулях высокочастотных электромагнитных разрядов я обнаружил мысль, которая перевернет всю нашу жизнь. Уверяю тебя, что ты вскоре будешь читать свои стихи лично Гомеру, а я

неподалеку буду обсуждать свои открытия с Архимедом. Что будет делать при этом миссис Филипов? Вероятно, общаться с богинями.

*Искренне твой,
Николай I,
Колорадо-Спрингс»*

«Письмо его другу Роберту Джонсону, интересное письмо, — подумал Саров, — а вот и письмо жене вышеозначенного Джонсона, идущей под кодовым именем миссис Филипов».

«2 января 1902 года

Моя дорогая миссис Джонсон,

принимаю ваши упреки, но видеть кого-либо в сочельник, даже и вас с Робертом, мою единственную семью, было выше моих сил. На меня произвело чрезвычайно тягостное впечатление даже не сообщение о ничтожном успехе итальянского проходимца, а поднявшаяся вокруг него шумиха. Томас Мартин при поддержке Михаила Пупина и Чарльза Штейнмеца готовят итальянцу торжественную встречу, несомненно в пику мне, а ведь двое последних, кроме того что они в научном плане на голову выше этого воришки, были когда-то моими соратниками, а Мартина я до этих дней считал своим другом. Стоит ли говорить, что банкет решено провести в «Уолдорф-Астории», моей вотчине. Я тоже получил приглашение, но, конечно, не пойду. Я уезжаю в Уорденклиф. Теперь, как никогда раньше, я хочу как можно быстрее завершить строительство и показать миру истинные возможности беспроводной передачи энергии и информации, великие возможности, которые недавней неуклюжей демонстрацией низведены до уровня яр-

марочного фокуса. Но, признаюсь, даже не это уязвило меня больше всего. Как он посмел выбрать для своего опыта мой любимый день!

*Искренне Ваш,
Никола Обворованный»*

«3 января 1902 года
Дорогой мистер Тесла,

вы меня дважды удивили, милый друг! Как можно так расстраиваться из-за таких пустяков? И как вы, при вашем уме и прозорливости, не разгадали ниспосланного вам знака? Итальянцы, как все католики, чрезвычайно суеверны и никогда по собственной воле не изберут пятницу, 13 для сколько-нибудь важного дела. Его вело Провидение, которому известны ваши пристрастия. Время все расставит по своим местам, через несколько лет никто не вспомнит имени итальянца; в истории останется только ваше имя как творца беспроводной системы и день 13 декабря 1901 года, когда сигнал был впервые передан через Атлантический океан.

Не надо забиваться в Уорденклиф. Если вы несчастливы и разочарованы, если вам кажется, что вам не везет, тем больше причин искать общения и поддержки у ваших верных друзей.

В самом деле, если бы весь мир ополчился против вас, их поддержка от этого стала бы только прочнее.

*Искренне ваша,
Кэтрин Джонсон»*

«Даже великим нужно, чтобы их иногда гладили по головке и по шерстке, — усмехнулся Саров, — наверно, у Теслы было не так много таких писем, тем более

от женщин, вот он и сохранил его в своем архиве, чтобы перечитывать в тяжелые минуты». Он взял следующее письмо.

«13 февраля 1903 года
Уважаемый мистер Морган,

прошу прощения, что причиняю беспокойство, когда ваш ум занят последствиями финансового кризиса, но мое дело не терпит отлагательства. Что я пишу?! Мое дело?! Нет, НАШЕ общее дело не терпит отлагательства. Все свои важнейшие дела я начинал в пятницу, 13, это больше, чем суеверие, это одно из неотъемлемых составляющих успеха. Сегодня именно такой день. После долгих проволочек, связанных в значительной мере с недостатком финансирования, я получил, наконец, все необходимое оборудование. Еще до полуночи мы начнем его монтаж. У меня нет сомнений, что ровно через четыре недели, в пятницу 13 марта мы проведем полномасштабные испытания и впервые явим миру НАШУ систему. Я не сомневаюсь в успехе. Помешать мне может лишь одно: нехватка денег. На завершение работ и на проведение испытаний нужна ничтожная сумма — пятьдесят тысяч долларов.

Мое последнее предприятие окупило себя более чем в две дюжины раз, а в умелых руках оно даст еще больше.

Помогите мне завершить работу, и вы убедитесь сами.

Срок пришел. Нельзя терять ни дня.

*Искренне ваш,
Н. Тесла»*

В шкатулке оставалось еще несколько листов, но Саров тупо смотрел на лист, который он держал в руках, точнее, на дату в самом верху. «13 февраля, пятница», — подумал он, перевел взгляд вниз и прошептал:

— Срок!

— Ой! — немедленно встрепелась Фрэнсис и посмотрела на часы на стене. — Времени-то сколько! Засиделись мы с вами, а ведь вы, наверно, устали, целый день в дороге, за рулем. Вам нужно отдохнуть. В гостиницу вы не устроитесь, у нас в городе большой конгресс по математическому моделированию социальных процессов, все гостиницы забиты под завязку, — тараторила она, не давая Сарову вставить и слова, — да я вас никуда и не отпущу. У меня есть специальная комната для гостей, вы в ней и разместитесь. Нет-нет, вы меня несколько не стесните. Пойдемте, я вам покажу. А шкатулку вы можете взять с собой, вдруг вы захотите что-нибудь посмотреть перед сном.

Она всунула Сарову шкатулку в руки. Он только подивился: когда же она успела все сложить? И вот он уже идет вслед за Фрэнсис по лестнице на второй этаж.

— Вот тут моя спальня, — Фрэнсис показала в один конец короткого коридора, — я ужасная трусиха и даже, когда ночью одна, запираюсь в своей спальне. А вот ваша, — она показала в другой конец коридора, — там тоже есть щеколда, если вы боитесь, — хихикнула она.

— А душ там есть? — спросил Саров.

— Конечно, — ответила Фрэнсис, — там все есть. А если вдруг захотите кофе, или чаю, или печенья, то

спускайтесь вниз, на кухню. Спокойной ночи! — воскликнула она и — упорхнула в свою комнату.

Щелкнула задвижка на двери. «Во как! — усмехнулся Саров. — Меня, что ли, боится? Неужели я такой страшный?»

Глава 12

«Таинственный незнакомец»

Саров огляделся. Миленькая комнатка! Особенно притягивали взгляд кровать с высоким и, вне всякого сомнения, мягким матрацем и кресло, глубокое и опять же мягкое. «После сегодняшнего дня я имею полное право на отдых, хотя бы для задницы», — подумал он и после тяжелой внутренней борьбы выбрал кресло. С бумагами из шкатулки было совсем просто — если есть Марк Твен, все эти чертежи и счета могут подождать! Хотя читать беллетристику на английском... Несмотря на годы, проведенные в Америке, это было не расслаблением перед сном, а напряжением.

Саров достал рукопись. Перед названием, предваряя его, неизвестным почерком, явно не Теслы, было выведено: № 44. Под ним: «Старинная рукопись, найденная в кувшине. Вольный перевод из кувшина». «При чем здесь кувшин? — подумал Саров и, проникаясь еще большим благоговением: — Не рука ли это самого Марка Твена? Что ж, почитаем!»

«Это случилось зимой 1490 года. Австрия, обособившись от всего мира, пребывала в сонном оцепе-

нении. В Австрии еще длилось Средневековье и грозило продлиться на века»¹.

«Вот так вот сразу — Австрия, хотя в то время, насколько я помню, Сербия с Хорватией не были под Австрией, — подумал Саров, — впрочем, какая разница, родился-то Тесла формально в Австрии. 1490 год? Ну да, конечно, Америку еще не открыли!»

«Деревенская жизнь была знакома мне не понаслышке, но вот уже год, как я покинул деревню и с головой ушел в изучение ремесла. Устроился я скорей необычно, чем хорошо».

«Мне больше повезло, — усмехнулся Саров, — я устроился и необычно, и хорошо».

«Мой мастер — печатник. Это новое ремесло, ему всего лишь тридцать-сорок лет, и в Австрии оно почти неизвестно. Мало кто в нашей богом забытой деревне видел печатный текст, мало кто представлял, что такое печатное ремесло, а уж тех, кто проявлял к нему любопытство или интерес, было и того меньше».

«Ремесло новое, — подумал Саров, — в общем, аналогия понятна: электричество; в 1890-м было столь же новым делом, как и книгопечатание в 1490-м, и тоже немного отдавало серой и колдовством».

Затем персонаж, от имени которого велось повествование, alter ego Марка Твена, как сразу догадался Саров, Август Фельднер, шестнадцати лет, подмастерье, принялся дотошно описывать артель пе-

¹ Перевод с английского Л. Биндеман. М.: Политиздат, 1989.

чатников, обосновавшуюся в крыле старого замка. Сарова еще в школьные годы научили понимать художественные произведения, точно определять, ради чего они были написаны, распутывать иносказания и аллюзии. Он не сомневался, что описываемая артель — это или лаборатория Эдисона, в которую Тесла попал после приезда в Америку, или все электротехническое сообщество Америки.

«Мой мастер и хозяин Генрих Штейн, дородный мужчина, держался степенно, осанисто; лицо у него было крупное, благодушное, глаза — спокойные, задумчивые; такого не просто вывести из себя. Облысевшую голову его обрамляли седые шелковистые волосы. Он был всегда чисто выбрит, одет опрятно и добротнo, хоть и небогато. Ученый, мечтатель, мыслитель, Генрих Штейн больше всего на свете любил учиться, и, будь на то божья воля, он бы день и ночь сидел, упоенно погрузившись в свои книги, не замечая окружающих. Выглядел мастер молодо, несмотря на седину, а было ему пятьдесят пять — пятьдесят шесть лет».

«Точно не Эдисон», — подумал Саров.

А потом пошли члены семьи мастера, сплошь женщины, и «старая Катрина, повариха и экономка, под ее началом были две рослые служанки, Сара и Байка (прозвище), слуга Якоб и грузчик Фриц. Дальше шли мы, печатники...» Перечень печатников был долог, у каждого были отмечены какие-то характерные детали внешности и поведения, соотнести их с кем-либо из живших в конце девятнадцатого века Саров не мог из-за недостатка знаний. Он бросил это безнадежное

занятие и принялся просто читать повесть, наслаждаясь марктовским текстом. Промелькнул некий Балтасар Хофман, который «явился издалека с репутацией великого астролога и тщательно скрывал ее ото всех за пределами замка, ибо не больше других стремился попасть на костер инквизиции». Он был явным шарлатаном.

А вот и главный герой!

«Однажды морозным зимним днем, когда обед подходил к концу, в дверях появился жалкий парнишка лет шестнадцати–семнадцати на вид и замер, бедняга, не решаясь войти. Одежда его, грубая и старая, была местами порвана и припорошена снегом, на ногах — обмотки, перевязанные бечевками.

— Как тебя зовут?

— Номер сорок четыре, новая серия восемь–шесть–четыре–девять–шесть–два, — спокойно сказал юноша.

У присутствующих глаза на лоб полезли. Еще бы! Мастер решил, что он ослышался, и повторил свой вопрос.

— Номер сорок четыре, новая серия восемь–шесть–четыре–девять–шесть–два, — столь же невозмутимо ответил юноша».

Юношу так и звали в дальнейшем — Сорок Четвертый. Саров только усмехался, вспоминая свое собственное прозвище. Сорок Четвертый был готов вкалывать от зари до зари, выполняя любую работу, не требуя при этом никакой платы, ему нужны были только пропитание да крыша над головой. Его всячески унижали, оскорбляли, травили и при этом завидовали, потому что он обладал удивительными знаниями и способностями, многое из того, что он делал, похо-

дило на чудеса. Его считали инструментом в руках могущественного, вселявшего во всех ужас мага Балтасара Хофмана, и лишь подмастерье Август Фельднер, единственный из всех подружившийся с таинственным незнакомцем, знал, что искусство мага здесь ни при чем, что Сорок Четвертый мог этому магу сто очков вперед дать, потому что был пришельцем из будущего. Будущее было точно обозначено: начало двадцатого века. Проживал же Сорок Четвертый, судя по всему, в городе Нью-Йорке, в неоткрытой еще Америке.

Саров был несколько разочарован. Марк Твен повторялся: был янки из Коннектикута при дворе короля Артура, теперь таинственный незнакомец из Нью-Йорка переносился в австрийскую деревню конца пятнадцатого века. Аллегория была слишком прямолинейной: Тесла на века опередил свое время, современники не могли понять и оценить его идеи, а то, что он являл им, приписывали в лучшем случае магии и колдовству, а то и вовсе со смехом отвергали.

То, что Сорок Четвертый списан с Теслы, сомнений не вызывало. Его проказы были в духе демонстраций Теслы: то вдруг в церковь ударяла молния, когда в небе не было ни облачка, то сучки загорались от прикосновения пальца. «Он, вне всякого сомнения, был самым ветреным существом на свете. Ничто не занимало его долгое время. Он придумывал и тщательнейшим образом разрабатывал планы, вкладывал в них всю душу, а потом вдруг бросал их на полпути к завершению и брался за что-нибудь новое». Подобно Тесле времен их встречи с Марком Твеном, Сорок Четвертый задавал своему другу пиры. «Ужин

был выше всяческих похвал, но блюда непривычны для меня. Сорок Четвертый сказал, что они иностранные, со всех уголков земного шара. Среди прочих угощений я отведал дичь, по всей вероятности, утку, приготовленную каким-то диковинным способом, божевественную на вкус». Уткой, запеченной в листьях сельдерея, Тесла поражал гурманов Нью-Йорка. Саров как-то попробовал воспроизвести этот рецепт, получилось что-то невообразимое, малосъедобное.

Не остались без внимания и пристрастия Теслы в одежде, и вся его манера поведения на публике. «Сорок Четвертому даровали право ношения шпаги и тем самым причислили к благородному сословию. Повинуясь своему капризу, он и вырядился как джентльмен: ...высокие расшитые ботинки со шнуровкой, на красных каблуках, розовое шелковое трико, бледно-голубые атласные штаны по колено, камзол из золотой парчи, ослепительно-красная накидка из атласа, кружевной воротник, достойный королевы, изящнейшая голубая бархатная шляпа с длинным пером, прикрепленным к ней булавкой, усыпанной бриллиантами, шпага в золотых ножнах с рукояткой, украшенной драгоценными камнями. Таков был наряд Сорок Четвертого, а выступал он точно князек, «танцующий кекуок», как он сам выразился. Красив он был, как картинка, а уж доволен собой, как властелин мира. В руке держал кружевной платочек и то и дело прикладывал его к носу, словно герцогиня».

А еще Сорок Четвертый наводнил замок двойниками печатников, которые не ели и не спали и при этом работали в сто раз быстрее и без малейших

ошибок. Двойники были явной аналогией телеавтоматам Теслы.

С этими двойниками Сорок Четвертый дал маху. Он и так на протяжении всей повести явно нарывался на неприятности, никому не позволительно отличаться от других, будь как все — лозунг всех времен. А тут он еще покусился на карман печатников, ведь двойники заменили их на работе. Одного этого было достаточно для возбуждения всеобщей ненависти. Ненависть и спалила пришельца. «На мгновение нас да и все вокруг скрыла кромешная тьма, потом взорам предстала стройная фигура в центре круга — живой факел, польхающий ослепительно-белым пламенем; миг — и Сорок Четвертый обратился в пепел, и мы снова погрузились во тьму».

«Вот и все, — подумал Саров, — вторая половина повести, — прикинул он на глаз количество оставшихся листов, — будет посвящена тому, как живет этот юный подмастерье Август Фельднер, осененный новым знанием, и как он пользуется умениями, переданными ему пришельцем из будущего».

Он посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. «Может быть, хозяйка еще не спит? — подумал он. — Поболтаем». Саров вышел из комнаты. В коротком коридоре было темно, но снизу сквозь лестницу пробивался слабый свет. Он спустился вниз. Никого. Обидно. Включил чайник, покопался в кухонном шкафчике, нашел черный чай в пакетиках, заварил сразу два в большой кружке, прихватил вазочку с печеньем и побрел обратно в отведенную ему комнату. В коридоре остановился, вытянул ухо к спальне Фрэнсис.

Тишина. «Рано ложится спать, — подумал он, — оно и понятно — деревня».

Саров расположился в кресле и, прихлебывая чай, автоматически прочитал следующую главу, вторя стенаниям главного героя: «Мне очень не хватало Сорок Четвертого. Как с ним было интересно; никто не шел с ним в сравнение, но самой замечательной тайной был он сам. И слова, и поступки его были удивительны, а он либо раскрывал тайну наполовину, либо вообще ее не раскрывал. Кем он был? Чем занимался? Откуда был родом? Как мне хотелось это узнать!»

И вдруг Саров подскочил в кресле, дойдя до строк: «С тяжким грузом одиночества и отчаяния на душе я вернулся в замок и вошел в свою комнату. Там сидел наш покойник!»

Собственно, не эти слова вызвали удивление Сарова — эка невидаль, обычный поворот сюжета, для Марка Твена так даже и тривиальный. Но на полях около этих строк была проведена ногтем едва заметная черта. Саров поднес рукопись ближе к глазам — черта пропала. Потом он сообразил, что все дело в направлении света, падающего от торшера. Он нашел положение, при котором черта была видна лучше всего, и быстро просмотрел предшествующие страницы рукописи. Никаких пометок не было. «А ведь при ксерокопировании она, скорее всего, не проявилась бы, — подумал Саров. — Какая, однако, глазастая и внимательная девица! И хитрющая — нет чтобы предупредить! Решила меня проверить — замечу ли? Но мы тоже не лыком шиты! Или это ее пометка? Нет, вряд ли. Во-первых; не посмела бы. Во-вторых, до этого момента были куда более яркие фрагменты, которые вполне можно было отметить. Это, похоже, все же

след ногтя Теслы». И он принялся с резко возросшим интересом читать дальше, внимательно поглядывая на поля рукописи.

«Я тотчас кинулся прочь со всех ног: всю жизнь я боялся привидений и предпочел бы оказаться где угодно, но не с ним наедине. Меня остановил знакомый голос, звучавший слаще музыки для моих ушей:

— Вернись! Я живой, а вовсе не привидение!»

Через пару абзацев появилась еще одна черта у строк:

«Нет, не мираж, я действительно умер, — сказал он в ответ на мои мысли и добавил с безразличным видом: — Для меня это сущий пустяк, я проделывал такие штуки много раз».

И тут Саров вместе с Августом Фельднером, вместе с Марком Твенем буквально взмолился:

«Расскажи мне что-нибудь обо всем этом, ну хоть немножечко, прошу тебя, Сорок Четвертый! Ты только дразнишь мой аппетит, а я жажду понять, как ты узнал про эти чудеса, как разгадал непостижимые тайны».

Сорок Четвертый подумал немного, потом заявил, что вполне расположен ко мне и охотно занялся бы моим просвещением, но не знает, как за него взяться из-за ограниченности моего ума, убогости духовного мира и неразвитости чувств. Он помянул мои качества вскользь, как нечто само собой разумеющееся — архиепископ мог бы походя бросить такое замечание коту, нимало не заботясь об его чувствах, о том, что у кота другое мнение на этот счет...

— Да, просветить тебя трудно, — молвил он наконец. — Пожалуй, невозможно, надо создавать тебя

заново. — Глазами он умолял меня понять его и простить. — Ведь ты, что ни говори, — животное, сам ты это сознаешь?

Мне следовало дать ему пощечину, но я сдержался и ответил с деланным безразличием:

— Разумеется. Мы все порой животные.

Я, конечно, подразумевал и его, но стрела опять не попала в цель: Сорок Четвертый и не думал, что я его имею в виду. Напротив, он сказал с облегчением, словно избавившись от досадной помехи:

— В том-то и беда! Вот почему просветить тебя так трудно. С моим родом все иначе, мы не знаем пределов, мы способны осмыслить все. Видишь ли, для рода человеческого существует такое понятие, как время; вы делите его на части и измеряете; у человека есть прошлое, настоящее и будущее — из одного понятия вы сделали три. Для твоего рода существует еще и расстояние, и, черт подери, его вы тоже измеряете! Впрочем, погоди, если б я только мог, если б я... нет, бесполезно, просвещение не для такого ума. — И добавил с отчаянием в голосе: — О, если б он обладал хоть каким-нибудь даром, глубиной, широтой мышления, либо, либо... но, сам понимаешь, человеческий ум тугой и тесный, ведь не вольешь же бездонную звездную ширь Вселенной в кувшин!»

«Вот и кувшин», — подумал Саров. Он представил себе Теслу и Марка Твена, сидящих в креслах у камина, между ними на низеньком столике бутылка старого шотландского виски и два широких стакана. Тесла — Вселенная, передатчик, щедро излучающий знание, недоступное пониманию современников, Марк

Твен — приемник, кувшин, поглощающий это знание, сохраняющий его, переваривающий, чтобы передать потомкам.

— Ах, как это трудно! — говорит Тесла. — Будь у меня хотя бы исходная точка, основа, с которой начать, — так нет! Опереться не на что! Послушай, ты можешь исключить фактор времени, можешь понять, что такое вечность? Можешь представить себе нечто, не имеющее начала, нечто такое, что было всегда? Попытайся!

— Не могу, — трясет головой Марк Твен. — Сто раз пытался. Головокружение начинается, как только вообразишь такое.

Лицо Теслы выражает отчаяние.

— Подумать только, и это называется ум! Не может постичь такого пустяка... Слушай, Сэм, в действительности время не поддается делению — никакому. Прошлое всегда присутствует. Если я захочу, то могу вызвать к жизни истинное прошлое, а не представление о нем; и вот я уже в прошлом. То же самое с будущим — я могу вызвать его из грядущих веков, и вот оно у меня перед глазами — животрепещущее, реальное, а не фантазия, не образ, не плод воображения. О, эти тягостные человеческие ограничения, как они мешают мне! Твой род даже не может вообразить нечто, созданное из ничего, — я знаю наверняка: ваши ученые и философы всегда признают этот факт. Все они считают, что вначале было нечто, и разумеют нечто вещественное, материальное, из чего был создан мир. Да все было проще простого — мир был создан из мысли.

— В начале было слово, — быстро вставляет Марк Твен, — ты это имеешь в виду?

— Речь идет не об этом тексте. Текст вы отринули и правильно сделали, но вместе с грязной водой вы выплеснули и ребенка. Вы уверовали в материю, в материальный мир, но упустили из виду, что этот мир был создан из мысли. Ты понимаешь?

— Нет. Мысль! Она не материальна, как же можно создать из нее материальные предметы?

— Но, Сэм, я же говорю не о человеческой мысли, я говорю о себе подобных, о мыслях богов.

— Ну и что? Какая тут разница? Мысль это мысль, и этим все сказано.

— Нет, ты ошибаешься. Человек ничего не творит своей мыслью, он просто наблюдает предметы и явления внешнего мира, сочетает их в голове; сопоставив несколько наблюдений, он делает вывод. Его ум — машина, притом автоматическая, человек ее не контролирует; ваш ум не может постичь ничего нового, оригинального, ему под силу лишь, собрав материал извне, придать ему новые формы. Но он вынужден брать материал извне, а создать его он не в состоянии. В общем, человеческий ум не может творить, а бог может, мне подобные могут. Вот в чем различие. Нам не нужны готовые материалы, мы создаем их — из мысли. Все сущее было создано из мысли, только из мысли.

— Своей мыслью я могу создать только воображаемых персонажей своих романов, — говорит Марк Твен.

— Твои персонажи живее и реалистичнее всех живших, живущих и тех, кто придет им на смену.

— Это все слова, всего лишь слова!

— Ты неисправимый материалист, мой друг, ты веришь только тому, что можешь пощупать. Будь по-твоему!

И тут перед изумленным Марком Твеном из пустоты возникает его двойник в виде совершенной оболочки тела, зыбкой, как мыльный пузырь, переливающейся всеми цветами радуги; потом составляется и укрепляется скелет, облекается в плоть, одежды. Марк Твен осторожно прикасается к нему рукой, как будто боится проткнуть насквозь.

— Но послушай, Никола, он что — из плоти и крови?

— Да, но это лишь видимость, его плоть и кости — фикция, созданная мной. Я высвободил твой дух и дал твоему второму «я» независимое существование.

— Мое второе «я»?!

— Вот уж не думал, что мне придется объяснять тебе еще и это! Кому как не тебе знать, что в тебе одновременно сосуществуют две личности. Одна — твоя Будничная Суть, она вечно в делах и заботах, преимущественно о деньгах, — усмехается Тесла, — другая — Суть Грез, у нее нет обязанностей, ее занимают лишь фантазии, путешествия, приключения. Когда Будничная Суть бодрствует, она спит; когда Будничная Суть спит, Суть Грез управляет всем и делает что ей вздумается. У нее больше воображения, чем у твоей Будничной Сути, а потому ее радости и горести искренней и сильнее, а приключения, соответственно, — ярче и удивительней. Но, как ты сам понимаешь, она лишена плоти, она — только дух. Участь Будничной Сути тяжелей, ее существование тоскливей, ей никуда

не деться от плоти, плоть ее обременяет, лишает свободы; мешает ей и собственное бедное воображение.

— Так ты — это я? — обращается Марк Твен к своему двойнику. — Моя лучшая, идеальная, восторженная, вдохновенная половина?

— У нас нет личности, определенной личности, каждый из нас — совокупность личностей, — как-то излишне серьезно говорит двойник, разваливаясь в свободном кресле, — мы честны в одном сне и бесчестны в другом, мы храбро сражаемся в одной битве и бежим с поля боя в другой. Мы не носим цепей; они для нас нестерпимы; у нас нет дома, нет тюрьмы, мы жители Вселенной; мы не знаем ни времени, ни пространства, — тараторит он, как затверженный урок, — мы живем, любим, трудимся, наслаждаемся жизнью; мы успеваем прожить пятьдесят лет за один час, пока вы спите, похрапывая, восстанавливая свои распадающиеся ткани; не успеете вы моргнуть, как мы облетаем вокруг вашего маленького земного шара, мы не замкнуты в определенном пространстве, как собака, стерегущая стадо, или император, пасущий двуногих овец, мы спускаемся в ад, поднимаемся в рай, резвимся среди созвездий, на Млечном Пути. О, космическое пространство — безбрежный океан, стирающийся бесконечно далеко, не имеющий ни начала, ни конца! — с ностальгической грустью говорит двойник. — Мрачная бездна, по которой можно лететь вечно со скоростью мысли, встречая после изнурительно долгого пути радующие душу архипелаги солнц, мерцающие далеко впереди; они все растут и растут и вдруг взрываются ослепительным светом; миг — и прорываешься сквозь него, и они уже поза-

ди — мерцающие архипелаги, исчезающие во тьме. Ах, чего только я не видел! — оживает он. — Таких чудес, такого буйства красок, такого великолепия человеческого глаз не воспринимает. Чего только я не слышал! Музыка сфер... Ни один смертный не выдержит и пяти минут такого экстаза!

— Это — я? — недовольно говорит Марк Твен. — Я себе такой не нравлюсь. Никола, а нельзя ли его — того, на Млечный Путь?

— Благодородный хозяин! Ты угадал мое самое сокровенное желание! — вскрикивает радостно двойник. — О, человеческая жизнь, земная жизнь, скучная жизнь! Она так унизительна, так горька; человеческое честолюбие суетно, спесь — ничтожна, тщеславие — по-детски наивно; а слава, столь ценимая человеком, почести — боже, какая пустота!

— Может быть, сразу к чертям в пекло? — раздумчиво спрашивает Тесла.

— Как ты жесток, Никола! Это же живая душа, моя, между прочим, душа, зачем вот так сразу — к чертям в пекло?

— Не питай пустых надежд, Сэм! Чему быть, того не миновать. Еще десяток лет и... А что такое десять лет по сравнению с вечностью? Всего лишь миг. Со временем ты это поймешь. Ты еще здесь? — оборачивается Тесла к двойнику. — Вставай и улетучивайся!

Двойник радостно вскакивает, но, как никто понимающая желанья и мысли хозяина, не спешит и делает все нарочито медленно, как опытная стриптизерша, вернее, стриптизер. Вот это зрелище так зрелище! Сначала его одежды истончаются настолько, что сквозь них просвечивает тело, потом они растворя-

ются в воздухе, как туман, и двойник остается нагим (Марк Твен при этом морщится, как будто впервые видит себя обнаженным); тем временем плоть двойника тает на глазах, сквозь нее уже просвечивает скелет с распухшими суставами, так что Марк Твен непроизвольно тянется к коленям и начинает их разминать; затем исчезают и кости и остается лишь пустая форма, оболочка, зыбкая и эфемерная, переливающаяся всеми цветами радуги; сквозь нее, как сквозь мыльный пузырь, просвечивает мебель; затем — паф! — и она исчезает!

— Бог с тобой! — напутствует двойника Марк Твен и, хитро взглянув на друга, вдруг затягивает песню низким протяжным голосом, наполняющим комнату и волнами плывущим к небесам.

Как далеко отсюда отчий дом,
У Суон-реки, у Суон-реки,
Но сердцем я и поныне в нем,
Там доживают век свой старики.

И так — строфа за строфой — живописует он бедный покинутый дом, радости детства, черные лица, дороги для него, которые он больше никогда не увидит. И само его лицо, отрешенное и печальное, как будто чернеет. Чарующая магия музыки совершенно преобразует и сидящего напротив надменного верзилу, все высокомерие сходит с него, он становится прекрасен и человечен, как сама песня. Все вокруг тоже меняется, комната исчезает, кресла превращаются в скамью из толстых досок, ковер на полу — в траву, камин уплывает вдаль, оборачиваясь бревенчатой хижиной под раскидистыми деревьями, все это обволакивают нежным светом летние сумерки. Песня стиха-

ет, растворяется, рассеивается в воздухе, и вместе с ней рассеивается и тает в воздухе видение, комната обретает былой вид, в камине вспыхивает огонь.

— А! Я вижу слезы в твоих глазах! — удовлетворенно восклицает Марк Твен. — Не так уж ты бесчувствен, небожитель!

— Ты же знаешь, я не могу без слез слушать эту песню, — говорит Тесла.

— Твои слезы мне дороже аплодисментов. Когда ты плачешь, я вижу перед собой человека. Впрочем, что я говорю! Этой песней я бы выжал слезы даже из глаз деревянного идола.

— Да, вы, люди, и особенно ты, мой друг, бываете поразительно проникновенны при всей ограниченности вашего знания и низменности помыслов.

— Ты не очень высокого мнения о роде человеческом. Жаль, что ты принадлежишь к нему помимо своей воли.

— Но, друг мой, ведь я ни разу не обмолвился, что принадлежу к нему, не правда ли?

При этом я полагаю, что род человеческий по-своему хорош, если все принять во внимание. Уверяю тебя, что я отношусь к человечеству даже лучше тебя. Ты вспомни, что тут недавно вещал твой двойник, а ведь он — это ты, твоя вторая суть. Я же отношусь без всякого предубеждения как к роду человеческому, так и к насекомым другого рода, я не питаю к ним ни зла, ни отвращения. Мне давно знаком род человеческий, и — поверь, я говорю от чистого сердца — он чаще вызывал у меня жалость, чем стыд за него. Более того, мой интерес к человечеству подогревается тем, что в других мирах нет ничего подобного, человечест-

во — нечто единственное в своем роде. Оно во многом чрезвычайно забавно.

— Да, «забавно», как стая мартышек, — с легкой иронией говорит Марк Твен.

— Да, люди забавны, как мартышки, — подтверждает Тесла совершенно серьезно. — Пожалуй, еще забавнее, ведь моральное и умственное кривлянье людей разнообразнее, чем у мартышек, и оттого забавнее.

На «мартышек» Марк Твен непритворно обижается, хотя сам же первый упомянул о них. Тесла смотрит на него с виноватым видом.

— Давай пошалим, — предлагает он, — как напишет в своем весьма недурном романе одна шведская писательница, она вот-вот должна родиться.

— Что?! Писательницы будут и в Швеции! — Марк Твен в ужасе хватается за голову. — Чувствую, в будущем на Земле не останется ни одного места, где можно было бы спокойно отдохнуть и развлечься, не рискуя столкнуться с писательницами.

— Ужасны не писательницы, ужасны их произведения, — замечает Тесла.

— Позволь мне об этом судить, у меня тут гораздо больший опыт. Роман можно, не читая, выкинуть в мусорный бак, а от писательниц никуда не скроешься, разве что сам спрячешься в том же мусорном баке.

— Насколько я понимаю, в будущее ты не хочешь. Что ж, пошалим со временем по-другому. Остановим его? Но это делалось раньше и не раз, ты об этом читал, тебе будет не очень интересно. Предлагаю повернуть время вспять — это сравнительно ново. К то-

му же так мы утрем нос некоторым умникам, которые твердят и будут твердить о стреле времени.

Марк Твен декламирует:

Назад, назад стреми, о Время, свой полет,
Пусть детство хоть на день судьба вернет.

— Ты единственный из людей, кто меня понимает! — восклицает Тесла. — Итак, поворачиваем время назад, заставим стрелки часов двигаться в обратном направлении!

— А они повернутся?

— Разумеется. Это привлечет к себе всеобщее внимание, можешь не сомневаться. Но самый потрясающий эффект произведет солнце.

— Каким образом?

— Часов через шесть солнце взойдет на западе, и это прикует к себе внимание всего мира.

— Представляю, как это будет здорово!

— О, положишься на меня! Я лучший в истории придумщик шалостей. Да, человечество не припомнит другого такого случая. По-моему, это будет рекорд.

— Пожалуй, ты прав.

— А знаешь, еще лучше, если солнце взойдет не на западе, а на юго-западе. Это, пожалуй, будет эффектнее и в диковинку людям: никто еще не устраивал ничего подобного.

— Мастер, это будет великолепно! Это будет величайшее чудо, чудо из чудес. О нем будут говорить и писать, куда существует род человеческий. И спорить будет не о чем: все живущие на земле увидят чудо воочию, и некому будет его опровергать.

— Истинно так. Оно станет единственным достоверным событием в человеческой истории. Все дру-

гие события, большие и малые, зависели от свидетельства меньшинства, порою очень незначительного, но на этот раз все будет иначе, вот так-то. Чудо на сей раз будет запатентовано, и пусть не ждут повторения на бис. Сиб ан яинеротвоп тудж ен!

— Вот именно! — восклицает Марк Твен. — Постой, постой, ты что сказал?

— То же самое, но наоборот. Я тебе подал знак, что время пошло вспять. Посмотри на стрелки.

В этот момент минутная стрелка на напольных часах прыгает назад.

— Сукоф йищюасяртоп!

— Не напрягайся, и сознание все само выправит.

— Черт, язык сломать можно!

— Ну вот, уже все и выправилось! У тебя очень быстрое сознание, легко адаптируется к новым ситуациям.

— Сознание — да, но не желудок. Я чувствую, как виски начало обратный путь вверх по пищеводу. Если ты немедленно что-нибудь не придумаешь, боюсь, я испачкаю твой великолепный ковер.

— Ничего страшного! Когда мы вновь переключим направление времени, виски с ковра вернется обратно в твой желудок.

— Оно пошло быстрее! — хрипит Марк Твен. — А тебе бы все шутки шутить.

— Я знаю только одно надежное средство против этого, — говорит Тесла, — надо как можно быстрее влить в себя новую порцию виски, естественно, больше предыдущей, ведь закон всемирного тяготения мы не отменяли из уважения к старику Исааку.

Он наливает виски в стакан на четыре пальца и

протягивает Марку Твену, тот одним залпом опрокидывает его в себя.

— Уф, — блаженно отдувается он, — упало.

— Тебе лучше?

— Мне намного лучше!

— Тогда предлагаю отправиться куда-нибудь, чтобы позабавиться и понаблюдать эффект обратного хода времени.

— Всю жизнь мечтал побывать в Китае.

— Отличная мысль! Там сейчас полдень.

— Наши белые физиономии нам не помешают?

— Ты ничего не понял, в путешествие отправится наш свободный дух, мы будем невидимы. Впрочем, если хочешь...

— Нет, нет, так даже интереснее.

— Если хочешь, я могу перенести твой дух в тело какой-нибудь молоденькой китайки или даже кошки, — продолжает настаивать Тесла, — это будет интересный опыт. Для тебя.

— Если китайка будет проституткой в шанхайском борделе, то пожалуй, а в образе кошки я не протяну и пяти минут, меня зажарят вместе со змеей и подадут на стол в виде фирменного китайского блюда «Битва дракона с тигром». Нужен мне такой опыт! Терпеть не могу змей!

Так разговаривая, они переносятся в Китай. Солнце уже готовится повернуть по новому пути на северо-восток, и миллионы потрясенных китайцев глазят на него с глупым видом, а миллионы других лежат на земле, измученные царящей вокруг неразберихой и страхом, погруженные в блаженное забытие. Наскучив Китаем и китайцами, друзья слоняются вслед за

солнцем по всему миру, останавливаясь во всех больших городах, попадающихся им на пути, наблюдают и восхищаются последствиями обратного хода времени. Повсюду оторопелые люди повторяют задом наперед старые разговоры, не понимая друг друга, и какой у них при этом усталый и несчастный вид! Собираются толпы людей, с ужасом глядя на башенные часы; в каждом городе происходят заново похороны ранее погребенных; похоронные катафалки и процессии с мрачным видом идут обратно. Там, где происходили войны, повторяются вчерашние битвы с конца до начала; ранее убитых убивают вновь, раненые получают те же самые ранения и ропщут. В океанах корабли с наполненными ветром парусами заново относит на места, пройденные накануне; одни матросы в страхе обращаются к богу, другие в безмолвной муке смотрят на обезумевшее солнце, третьи ругаются и богохульствуют на чем свет стоит. Друзья несколько задерживаются на поле битвы в Руане и наблюдают, как Генрих I собирает воедино свой разбитый череп и другие части тела.

— Если тебя интересуют эти персонажи, — говорит Тесла, — я соберу их для тебя всех, со всего света, из всех времен. Напоследок.

Марк Твен не успевает глазом моргнуть, как земля окутывает зловеющая тьма. Все видимое постепенно растворяется в ней, утрачивая очертания, а потом и вовсе исчезает. Воцаряется кромешная непроглядная тьма, а с ней — тишина, такая безмолвная, что кажется, весь мир затвил дыхание. Минуты тянутся и тянутся, глубокое безмолвие становится угрожающим, и вдруг друзей накрывает холодная воздушная

волна — сырая, пронизывающая, пахнущая могилой, вызывающая дрожь. Через некоторое время доносится легкий щелкающий звук, он слышится все явственней, все громче и громче, он растет, множится, и вот уже повсюду раздаются сухие, резкие, щелкающие звуки. В призрачном свете блеклых предутренних сумерек проступают смутные паукообразные контуры тысяч скелетов, идущих колонной! У Марка Твена волосы встают дыбом.

Чуть светлеет, как перед рассветом, и процессия становится отчетливо видной. Она, скорбно гремя костями, течет мимо стоящих на небольшом взгорке друзей, мало-помалу расплывается, тает вдалеке и наконец пропадает из виду. Некоторые из скелетов волокут за собой на веревке истлевшие остатки гробов.

— Это зачем? — спрашивает Марк Твен, немного пришедший в себя.

— Люди! — пожимает плечами Тесла. — Они и в вечности озабочены тем, как бы чего не случилось с их ничтожной собственностью.

Некоторые из проходящих мужчин и женщин, юношей и девушек уныло протягивают Марку Твену свои убогие костяшки для рукопожатия. Это его знакомые, на чьих похоронах он присутствовал всего три-четыре года тому назад.

— А это что за великосветское семейство? — спрашивает Марк Твен. — Они все время говорят о погоде, как будто ничто другое их не занимает.

— Ной с сыновьями и невестками, — коротко отвечает Тесла. — А вот Адам с Евой, рекомендую. Их предшественников я выделил в отдельную колонну, ведь

их в мириады раз больше, чем потомков. Давид, Голиаф, Клеопатра, Карл Великий, рыцарь Дагобер, — продолжает представление Тесла, — черт, надо было повесить им таблички на шею с указанием их имени и лет земной жизни.

— А это кто? — спрашивает Марк Твен, указывая на маленький и приземистый скелет, едущий верхом на длинношеем и длиннохвостом чудище, возвышающемся над толпой на десять метров.

— Недостоящее звено, так его называют и всегда будут называть, потому что никогда не найдут. Чудище поинтереснее будет, вымерло восемь миллионов лет тому назад.

Марк Твен уже пресыщен впечатлениями.

— Ты сказал: напоследок, — говорит он, поворачиваясь спиной к процессии.

Тесла взмахивает рукой, и они остаются одни в пустом и беззвучном мире. Потом, подумав, переносит их в комнату, в кресла, между которыми стоит низкий столик с почти пустой бутылкой старого шотландского виски. Тесла разливает остатки божественной влаги по стаканам.

— Да, напоследок, — говорит он наконец.

— Ты уходишь и больше уже не вернешься?

— Нет, — мягко отвечает Тесла, — это ты уходишь. Сейчас ты поедешь к себе домой, в Грамерси-парк, потом в Европу, потом... получится так, что мы никогда больше не увидим друг друга. Мы с тобой долго дружили, и это было славное время для нас обоих.

— В этой жизни, Никола. А в другой? Мы ведь встретимся в другой, верно?

— Ах, — вздыхает Тесла, — вот мы и достигли точ-

ки, когда слова бесполезны; слово не способно правильно передать даже человеческую мысль; а для мыслей той сферы, что находится, так сказать, за пределами человеческой Солнечной системы, оно и вовсе пустой звук. Я буду говорить на своем родном языке, в нем слов не существует. На долю мгновения мой дух обратится к твоему и сообщит ему кое-что, не много, ибо многого ты и не сможешь постичь при твоей ограниченной человеческой способности мышления.

Проходит мгновение. Марк Твен удивленно поднимает брови, впивается взглядом в лицо Теслы.

— Это как сон, — говорит он наконец, — мне кажется, что я лишен плоти, крови, костей, что я — всего лишь мысль, скитающаяся, бесплодная, бесприютная мысль, заблудившаяся в мертвом пространстве и вечности. Нет ни бога, ни Вселенной, ни человеческого рода, ни жизни, ни рая, ни ада. Все это — чистое безумие, ребяческий каприз воображения, не сознающего, что оно безумно, словом, сон.

— Все признаки сна налицо, — говорит Тесла, — мог бы догадаться и раньше. Сейчас ты проснешься, и я исчезну, растаю, превращусь в ничто. Ты останешься один в бесконечном пространстве и будешь вечно бродить в одиночестве по безбрежным просторам, без друга, без близкой души, ибо ты — мысль. Единственная реальность — мысль, неразрушимая, неугасимая. А я, твой покорный слуга, лишь открыв тебе тайну бытия и дал волю. Да приснятся тебе другие сны, лучше прежних!..

* * *

«Он исчез, навсегда смутив мой покой; я понял, что все сказанное им — правда», — прочитал Саров последнюю строчку повести. Слева, на полях, виднелся след ногтя. «Марк Твен прав, — подумал Саров, — все — сон. Что-то мне слишком часто стали сниться сны в последнее время, — он ущипнул себя за руку, скривился от боли, — не сон, однако». Он посмотрел на часы — час ночи, вот ведь зачитался! А о чем читал, хоть убей, не помнит. Он принялся перелистывать вторую половину повести. Маги, безумные старухи, бесноватые патеры, любовные шашни, стычки печатников с двойниками, тюремные подземелья и костры инквизиции — все эти извивы и повороты сюжета он видел как будто впервые, натренированное сознание отсекло их, как ненужные детали, арабески для привлечения читающей публики, остались лишь фрагменты, сложившиеся в воображаемый диалог Теслы и Марка Твена. «Или — не воображаемый, или — не диалог, — подумал Саров и тут же мысленно поднял себя на смех: — Да ты не тронулся ли умом, парень, это тебе даже не Тунгусская катастрофа, это мистика чистой воды, тебе в мистику по штату верить не положено, ты ж у нас физик, ученый и вообще уравновешенный тип, ты все лженаучные теории расклевываешь на раз-два-три! Но о чем-то подобном они, судя по всему, говорили много: о времени, пространстве, о других мирах и возможности другой жизни, это естественно, как и то, каким образом это все преломилось творческим воображением Марка Твена. Нам-то что это дает? Непонятно. Столько всего наворочено! Поищем-ка еще пометки».

Нашлась одна, во второй части. Вернее, было две короткие черточки на одной странице, где речь шла о гаданиях, предсказаниях и зашифрованных посланиях. Саров сложил отмеченные фразы. Получилось: «Не подлежит сомнению, что правильное толкование так же важно, как и точность формулировки самого послания, — заметил Сорок Четвертый. — Не поймешь начало или конец послания, обязательно исказишь их при толковании, и тогда суть послания не дойдет по адресу, утратится, и будет причинен большой вред».

«Не подлежит сомнению, — подумал Саров, — что пора с этим завязывать. Скоро в любой фразе мне начнет мерещиться скрытое послание. Перечитаю через несколько дней на свежую голову, там и посмотрим, тогда и подумаем».

Он отложил рукопись и блаженно потянулся.

Глава 13

Сонная круговерть

Саров упал на кровать. Она ласково приняла его в свои объятия. «Ого, — отметил он, — водяной матрац! Как нас, однако, встречают! — он блаженно потянулся. — На таком только спать и спать. Д-да, только спать. Как, интересно, на нем любовью заниматься? И как у хозяйки с этим делом? — скакнула мысль в сторону. — Все! Шалишь! — остановил ее Саров. — Сейчас не об этом. Сейчас — спать. Спать. Спа-а-а», — он сладко зевнул и провалился в сон.

И тут навалилось. Замелькало и закрутилось. Картинки, одна за другой. Сначала пейзажи, однообраз-

ные и тоскливые, как виды вдоль сегодняшней дороги, наверно, это они и были. Потом обрушился кленовый листопад, нет, не кленовый, пожелтевшие листья были уж больно правильной формы, прямо как листы бумаги, ах да, конечно, именно листы бумаги и кружились перед глазами, пестря напечатанными и написанными строками. Потом пришел черед людей. Людей незнакомых и почти исключительно мужчин, целая вереница мужчин, как в час ланча на Уолл-стрит. Мужчин спешащих, мечущихся из стороны в сторону, сталкивающихся, говорящих что-то резкое друг другу и тут же расходящихся, чтобы немедленно сцепиться с другими. Мужчин было много, десятки, если не сотни, но они не сливались в безликую толпу, каждый имел какую-то приметку, и с каждым оборотом хороваода узнавался все четче. Лишь два персонажа сна не суетились. Один, длинный и худой, лежал на кровати, лежал как оловянный солдатик, при полном параде и неподвижно. Другой, крупный и одутловатый, с асимметричным, перекошенным вправо, как после инсульта, лицом, сидел за столом, сидел неподвижно, как памятник, и только колебание зрачков покрасневших глаз выдавало в нем живого человека. К нему, как к тихой пристани, и устремилась уставшая от мельтешения образов мысль Сарова, вздрогнула на пороге кабинета от выбитого на табличке имени хозяина и, трепеща, вползла внутрь.

* * *

Джон Эдгар Гувер оторвал глаза от документа, лежавшего перед ним на столе, обвел синим карандашом один абзац, нажал кнопку селектора.

— Ко мне, — коротко бросил он и отпустил кнопку. «Все приходится делать самому, — раздраженно подумал он, — никто ничего не замечает, никто не хочет думать, всем на все наплевать. Десять тысяч сотрудников, а я как и двадцать лет назад вынужден читать рапорты агентов. Потому что никто ничего не замечает!»

Джереми Уоксворт, помощник директора ФБР, едва войдя в кабинет, сразу определил: шеф не в духе, четвертая степень. Впрочем, кто же будет в добром расположении духа, находясь на рабочем месте в половине первого ночи, а четвертая степень — не пятая, вот тогда был бы полный швах. Уоксворт склонил голову, изобразив почтительное внимание.

— Вы видели это? — грозно спросил Гувер, бросая документ через стол.

— Да, сэр, — Уоксворту хватило одного взгляда, — рапорт агента Ривкина из Нью-Йорка, составлен вчера, извините, позавчера, 5 января в 22.45, не содержит пометки «срочно», поэтому поступил обычным порядком в 11.45 в отдел надзора за сотрудниками иностранных посольств, после анализа в 16.30 переправлен мне как представляющий определенный интерес, убедившись в ценности информации, я в 19.40 направил его вам, отметив пассаж, привлекший мое внимание. Тот же самый, осмелюсь заметить. Там пометка карандашом.

Он протянул руку и положил рапорт перед Гувером. Тот взял его и немного повертел в свете настольной лампы. Действительно, тонкая карандашная линия, почти покрытая его энергичным росчерком.

— Смените карандаш! — досадливо сказал Гувер, быстро остывая.

— Есть, сэр, — ответил Уоксворт. — Какие будут распоряжения?

— Эти документы необходимо изъять. Тесла всегда был удивительно скрытен и, случалось, годами держал в сейфе уже готовые изобретения. Он настолько верит в свою гениальность, что нисколько не опасается конкурентов. А так как он всегда работал один, то не у кого даже узнать, что он там изобрел. Вполне возможно, что это что-нибудь невероятное, невозможное, сумасшедшее, в его обычном стиле. Все равно мы не можем допустить, чтобы это попало в руки наших врагов, настоящих и потенциальных. Кто знает, как они этим воспользуются? У идей Теслы, даже самых невероятных, невозможных и сумасшедших, есть одна пренеприятная черта — они всегда реализуются, рано или поздно.

— Это понятно, — мягко сказал Уоксворт, — но какие будут распоряжения?

— Не понятно?

— Понятно. Мне бы распоряжение, письменное.

«Ни работать не хотят, ни брать на себя ответственность», — с горечью подумал Гувер, взял лист бумаги и написал: «Поручаю мистеру Дж. Уоксворту организовать выемку документов из сейфа в номере мистера Николы Теслы в отеле «Нью-Йоркер», г. Нью-Йорк. Документы представляют угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов. Дж. Эдгар Гувер. Вашингтон, округ Колумбия. Январь 7, 1943, 00.49».

— Кому поручите выполнение операции? — спросил Гувер после того, как Уоксворт внимательно про-

читал документ и положил его во внутренний карман пиджака.

— Агенту Корнеллу, сэр.

— Он уже работал по Тесле, — в словах Гувера не было вопросительной интонации.

— Да, сэр.

— Что ж, хорошо.

* * *

Агент Корнелл был очень раздосадован. То, что подняли посреди ночи, не в счет, работа у них такая. Но то ж работа, а это что? Работенка, грязная, прямо скажем, работенка, а главное — не по рангу. Это для начинающих, им для практики полезно, да и в радость, а он уже агент опытный, седьмой год в Бюро, он этой практики нахлебался выше крыши и радости от игры в шпионов не испытывает. Ведь как это называется? Правильно, незаконным проникновением это называется. Если застукают, запросто за решетку угодить можно. Начальники открестятся, Уоксворт по телефону все обиняком говорил и только подгонял, дело-де наисрочнейшее, а распоряжение мы потом оформим. Нужно мне будет потом ихнее письменное распоряжение! Мне, если все удачно сойдет, премия будет положена. Но это если сойдет. Ежели что — не замнут. У этого Теслы вон какие связи и покровители, с вице-президентом вась-вась и с Элеонорой. Ему ли не знать! Он на Тесле начинвл, собственно, он на нем и выдвинулся.

Хотя все могло и прахом пойти, сидел бы сейчас где-нибудь в Монтане, под мормона бы рядился. Он

был, конечно, не виноват, что объект вдруг выперся на мостовую, а тут откуда ни возьмись машина, как нарочно ждала. Все произошло так быстро, что он даже номер не засек. Старик лежит, стонет, он с видом сердобольного прохожего к нему. Какие негодяи! Я вас сейчас в госпиталь! Четверть часа потом посреди мостовой препирались, не хотел старик в госпиталь, только в свой отель. И ведь что удивительно: за все время — ни одной машины. Делать нечего, доволоч на себе до отеля. Давайте, говорю, врача вызову. Ни в какую! Упрямый! Последующие полгода были самыми тоскливыми за все время работы. Старик безвылазно сидел в номере, чуть ли не забаррикадировавшись, и почти никого не принимал. Вот тогда он еще раз прокололся. То есть это он знал, что прокололся, а получилось все в лучшем виде. Отлучился он на ланч да и засиделся, все караулил, когда симпатичная официантка мимо пройдет, чтобы перекинуться с ней парой слов, авось что и выгорит. Возвращается, а за стариком уже дверь лимузина закрывают, фьють — и ищи ветра в поле. Тут-то тот парень и прошмыгнул в холл отеля. О, он этого парня давно заприметил, года за два. Все-то он около Теслы терся. Где бы Тесла ни появился, он тут как тут. Сделал официальный запрос. Оказался молодым сотрудником Массачусетского технологического института по имени Блойс Фитцпатрик, подающим надежды, как говорили. Работал в лаборатории, занимающейся оружием, чем-то там связанным с беглым огнем. Лаборатория в Бостоне, а этот Фитцпатрик периодически в Нью-Йорке ошивается. Подозрительно! И тут: проходит через холл и — шасть наверх.

И к номеру Теслы. И в номер. И к сейфу. Тут-то он его и скрутил. Все чисто сделал. Пока ждали вызванных на подмогу агентов, он этого субчика расколол. За техническими документами лез, ясное дело, что-то там по сверхоружию. А ключ от сейфа стащил у Теслы во время последнего банкета в честь дня его рождения. Стащил, сделал дубликат и вернул. А потом все случая удобного ждал. Дождался. Субчика незаметно вывели из отеля, он все прибрал, дубликат ключа приложил к рапорту. После этого его, наконец, заметили и подняли на следующую ступеньку. Даже то не помешало, что старик все же что-то учуял. Долго потом разорялся в разных местах, что кто-то входил в его номер и просматривал бумаги, но ушел с пустыми руками. Почему же с пустыми? Вот он — ключик!

Корнелл нащупал ключ в кармане, зябко поежился — январь все же и раннее утро, поднял голову вверх. В номере Теслы света не было. Одно из окон было, как всегда, приоткрыто, для голубей. Корнелл посмотрел на наручные часы. Если идти, то сейчас самое время. Когда он следил за ним, старик спал не больше трех часов в сутки и те всегда утром. Вряд ли его привычки изменились. И приоткрытое окно на руку — шум машин с улицы заглушит шаги.

Ноги сами понесли Корнелла привычным путем. К служебному входу с другой стороны квартала, мимо прачечной, склада и кухни — на лестницу для персонала. На этаже — никого. Корнелл быстро прошел к номеру, достал отмычку, вставил в замок, сделал одно движение, второе, третье — замок тихо щелкнул. Не потерял квалификации, усмехнулся Корнелл и ос-

торожно приоткрыл дверь. В номере кто-то жалобно плакал. На служебной лестнице слышались шаги. «Этого только не хватало!» — подумал Корнелл и проскользнул внутрь.

Он стоял привалившись спиной к двери и всматривался в глубь номера. Перед ним была открытая дверь гостиной, на фоне светлого окна виднелась голубка, она сидела на подоконнике и — жалобно ворковала, как плакала. Корнелл облегченно вздохнул и перевел взгляд влево. Дверь в спальню тоже была открыта. Корнеллу это не понравилось — так не должно было быть. Старик всегда закрывал дверь в спальню, об этой его привычке он сам слышал три раза от разных людей. У старика было много бзиков, это — из их числа, чему-чему, а бзикам он никогда не изменял. Корнелл сделал несколько осторожных шагов к спальне, заглянул внутрь. Широкая кровать была застелена и покрыта роскошным покрывалом. Поверх него, вытянувшись во весь рост, лежал Тесла. В черном костюме, белоснежной рубашке, красно-черном галстуке, в начищенных до блеска ботинках. Руки сложены на груди, орлиный нос смотрит вверх, глаза закрыты, рот плотно сжат, на мраморно-белом лице — ни морщинки, лишь несколько бледно-серых пятнышек, как на крыльях голубки. Тесла был мертв. Чтобы определить это, Корнеллу не надо было даже подходить к нему.

«Кто же это его?..» — неспешно потекла мысль в голове Корнелла и вдруг опасно замерла.

Раздался стук в дверь и вслед за ним громкий крик:

— Это Дороти, горничная, мистер Тесла. Время уборки.

Дверь беззвучно распахнулась.

* * *

Предыдущий день у Дороти был выходной. Половину его она провела на чердаке, переставляя шкапулку с места на место. Никогда в жизни она так не стремилась на работу. Ее обуревали сомнения — все ли она сделала правильно? Несколько раз она порывалась обсудить это с мужем или с отцом, мужчины лучше понимают в таких делах, но обещание, данное мистеру Тесле, удерживало ее.

Едва придя в отель, она подхватила ведро, швабру, корзинку с моющими средствами и тряпками и отправилась на четвертый этаж. Мистер Тесла никогда не спал, это знали все служащие отеля, так что она не боялась разбудить его. На двери не было привычной таблички «Не беспокоить!», это еще больше укрепило ее решимость. Но время было все же неурочное, поэтому она, глубоко вздохнув, тихо постучала в дверь. Ей послышались шаги в номере, и она едва ли не прошептала привычное:

— Это Дороти, горничная, мистер Тесла. Время уборки.

«Я ведь пришла посоветоваться с мистером Теслой о его поручении, он не будет сердиться», — убеждала себя Дороти. Но рука ее, лежащая на дверной ручке, подрагивала. И вдруг Дороти ощутила, как дверь поддалась. Это было так необычно! Она потянула дверь на себя и заглянула в номер.

Она сразу увидела его. Мистер Тесла лежал на кровати, точь-в-точь как ее дедушка, прибранный для похорон. Поэтому она сразу поняла, что случилось, и нисколько не испугалась, не закричала, только всплеснула руками и побежала к управляющему.

* * *

Да, это была горничная. Корнелл, вжавшись в стену за дверью спальни, наблюдал в щелку, как она вошла, уставилась расширяющимися от страха глазами на покойника, всплеснула руками, выронив швабру, и опрометью бросилась вон. Клуша! Сейчас поднимет тарарам! Надо ему убираться отсюда по-быстрому. Выходя, Корнелл ухватил краем глаза сейф, он был заперт. «Хорошо, — подумал он, — теперь его содержимое от нас никуда не денется. Изымем на вполне законных основаниях. Если, конечно, будет, что изымать».

Он автоматически защелкнул за собой замок двери, сказала привычка оставлять все за собой в первозданном виде. Корнелл миновал лифтовый холл и свернул на лестницу для постояльцев. Внизу он напустил на себя беспечный вид и неспешно направился к входной двери отеля. Дежурный портье за стойкой раскладывал утренние газеты. Он даже не поднял головы.

* * *

— У нас проблема, сэр, — Уоксворт стоял навытяжку, — Никола Тесла мертв.

— Как неаккуратно! — ломорщился Гувер.

— Вы меня не поняли, сэр.

— Я вас прекрасно понял. Я не хочу ничего понимать.

Начальство имеет право на противоречивые заявления.

— Все чисто, сэр. Хотя имеются странные обстоятельства.

Уоксворт дословно изложил сбивчивый телефонный рассказ агента Корнелла о том, в каком виде тот обнаружил труп Теслы.

— Мистика, — согласился Гувер, — ненавижу мистику! С Теслой все время так! Он сам был одной большой проблемой. Теперь ее нет. Что с документами?

— Агенту Корнеллу не удалось добыть их. Вошла горничная и подняла тревогу. Но агент Корнелл сумел незаметно покинуть помещение, — сказал Уоксворт, предупреждая вопрос Гувера.

— Интуиция подсказывает мне, что сейф пуст. Как это проверить? Не вижу никаких юридических зацепок, ведь Тесла — американский подданный.

— Соображения национальной безопасности...

— Любой судья скажет, что это личные бумаги, пока не доказано обратное. А у нас нет доказательств. Ну, ничего, что-нибудь придумаем. Кому поручите проведение расследования? Ведь это ваш сектор.

— Полагаю, агенту Корнеллу. Он знаком с обстоятельствами дела.

— И, что важно, никак в нем не замешан. Не так ли?

Гувер протянул руку открытой ладонью вверх. Уоксворт вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол.

* * *

Управляющий отелем «Нью-Йоркер» мистер Бузник шел по коридору к номеру Теслы.

— Вы правильно сделали, Дороти, что не стали поднимать шум и сразу обратились ко мне.

Бузник постучался на всякий случай, немного подождал, потом осторожно повернул дверную ручку и потянул дверь на себя. Дверь не поддавалась.

— Вы уверены, Дороти, что вам все это не привиделось?

— Уверена, сэр, — ответила Дороти неуверенным голосом.

Управляющий в раздумье опустил глаза вниз. Ведро, корзина с моющими средствами и тряпками...

— А где швабра, Дороти?

— Наверно, там, — Дороти ткнула пальцем в дверь.

Бузник достал универсальный ключ и отомкнул замок. Потом приложил палец к губам и осторожно заглянул внутрь. Вот и швабра, на полу, вот и постоялец, на кровати. Похоже, действительно мертвый. Бузник прошел в спальню, дотронулся до сложенных на груди рук Теслы — холодные как лед. Он зябко передернулся. Потом дотронулся рукой до батареи отопления. Тоже холодная. Кран батареи перекрыт. Хм. Одевание Теслы управляющего несколько не удивило. За многие годы он привык к причудам постояльца.

* * *

Звонок управляющего застал Савву Косановича в дверях. Он намеревался отправиться на рождественское богослужение в сербский православный храм, но теперь, конечно, все пришлось отменить. «А ведь

люзавчера был так бодр! — подумал Косанович. — Кто бы мог предположить...» Он сложил руки, прочитал молитву, перекрестился и обратился к земным делам. Собственно, обряд похорон был продуман и расписан уже давно. Косанович рассматривал его как событие всемирного масштаба, долженствующее послужить славе Югославии. Обширные некрологи вместе с интервью самого Косановича лежали в редакциях всех крупных газет, текст официального извещения — в пресс-службе посольства, макет приглашения на похороны — в типографии. Недоставало лишь даты.

Так что мысли Косановича устремились к единственному незавершенному делу — к шкатулке в сейфе. «Хорошо бы иметь надежных свидетелей, на всякий случай», — подумал он. Перебрал в памяти близких знакомых дяди. Их у «одинокого, всеми забытого старика» оказалось очень много, из них Косанович выбрал тех, кто был близок к нему самому и кто в наилучшей степени подходил для деликатного дела. Таковых нашлось шесть. Трое после короткого телефонного разговора выразили готовность немедленно прибыть в отель «Нью-Йоркер».

* * *

Управляющий отелем уже проклинал себя за идею первым делом известить прямого наследника, оказавшуюся на поверку такой неудачной. Но ведь именно этот благообразный господин платил за проживание капризного старика, кроме того, управляющий надеялся сделать все по-тихому, не беспокоя других постояльцев, которые всегда болезненно реагируют на случающуюся в соседнем номере смерть, а еще

более на связанное с этим нашествие журналистов и полиции. До них дело еще не дошло, а суета в холле отеля и появление посторонних лиц уже бросались в глаза.

Управляющий встречал прибывавших один за другим гостей и провожал их в свой кабинет. Первым прибыл сам господин Косанович с непременно секретарем, за ним Джордж Кларк — директор музея и лаборатории Американской радиокорпорации, на их непроницаемых лицах если и можно было что прочитывать, то лишь то, что это люди солидные и знающие себе цену. А вот появление Кеннета Суизи вызвало переполох. Все постоянные жители отеля хорошо знали его как частого гостя Теслы. Его круглолицая, в смешных очочках физиономия всегда излучала какой-то мальчишечий восторг и любопытство ко всему на свете. С ним преображался даже сам Никола Тесла. Они часто ужинали вместе в ресторане отеля, громко обсуждая научно-популярные статьи Суизи, а потом старый ученый провожал своего друга, как он его называл, человека, моложе его на пятьдесят лет, к метро. И вот жизнерадостный оптимист вдруг вваливается в холл отеля, заливаясь слезами и шмыгая покрасневшим носом.

Прибывший следом Хьюго Гернсбек был более сдержан в проявлении чувств, но тоже выглядел потрясенным. Как когда-то юный Тесла был очарован изображением Ниагарского водопада, так и Гернсбек в десятилетнем возрасте был заморожен фотографией самого Теслы, пропускающего через свое тело ток напряжением в сотни тысяч вольт. Под влиянием этого, окончив школу, он стал изучать электронику, но после переезда в Америку в девятнадцатилетнем

возрасте отдался научной журналистике. Пять лет он охотился за Теслой, публиковал посвященные ему статьи, но личное знакомство состоялось лишь в 1908 году. С тех пор восхищение сменилось обоже-ствлением. Тесла был замкнутым и скрытным чело-веком, свои изобретения он преподносил в готовом виде и когда говорил о «планах», то это означало лишь то, что решение уже найдено. Гернсбек был од-ним из немногих, с кем Тесла делился своими идеями, еще туманными и далекими от завершения, и кому позволял озвучивать их перед широкой публикой. С годами Гернсбек стал одним из самых популярных писателей Америки, а многие футурологи считали его ни много ни мало отцом-основателем научной фан-тастики. И вот он лишился своего бога.

Наконец, все были в сборе. «Хорошо бы иметь на-дежных свидетелей, на всякий случай», — подумал мистер Бузник и вызвал гостиничного слесаря и по-мощника бухгалтера. Многочисленная процессия дви-нулась к номеру Теслы. Удивление, скорбь, очередная волна взаимных соболезнований. Гернсбек, мастер на все руки, принялся зачизготовление посмертной маски, извлекая из сумки предусмотрительно захва-ченные ингредиенты. Все стояли вокруг, наблюдая за незнакомой процедурой, но потом Косанович спохва-тился и предложил пройти в гостиную, к сейфу.

Он вынул ключ из кармана, открыл замок, широко распахнул дверцу. Открылось пустое пространство, лишь на средней полке лежали две фотографии. Все с удивлением заглядывали внутрь, недоуменно пожи-мали плечами, отходили в сторону. Косанович, нако-нец, пришел в себя, протянул руки к сейфу, взял в ка-ждую по фотографии, принялся их рассматривать.

Собственно, первая удостоилась лишь одного взгляда и одной недоуменной мысли: «Зачем дядя положил ее в сейф? Не лень ведь было вынимать из рамки!» Зато вторая... Красивая, довольно молодая женщина сидит в кресле с высокой спинкой. Справа от нее, положив руку на спинку кресла, стоит стройный горбоносый юноша с чрезвычайно умным лицом. Слева, возвышаясь каланчой, стоит Никола Тесла, его всегда плотно сжатые губы раздвинуты в мягкой улыбке, его глубоко посаженные глаза распахнуты и светятся добром, и вообще он весь какой-то... благостный. Или это обманчивое впечатление из-за того, что он, как и женщина с юношей, одет в длинный, до пят, белый балахон, похожий на ночную рубашку?

— Семейная фотография? — тихо спросил Суизи, заглядывая через плечо. — Странно, фотография недавняя, мистер Тесла на ней уже очень стар, но я что-то не припомню, чтобы он рассказывал о приезде своих родственников. А по возрасту — внучатая племянница.

Нет, это не внучатая племянница, хотя есть среди них и очень похожие. Но еще больше эта женщина похожа на ту, что изображена на старинном даггеротипе, хранящемся в их семейном архиве. Дука Тесла, урожденная Мандич, в пышном платье, с наброшенным на плечи меховым палантином, с наколкой из черных кружев в волосах, сидит в кресле, рядом, положив руку на спинку кресла, стоит Данэ Тесла, долговязый юноша с открытым и умным лицом, в какой-то форменной, возможно, гимназической тужурке. Мать и старший брат Николы Теслы, двое самых любимых, если не единственно любимых людей в его долгой жизни.

— Это моя племянница Марика с сыном, — сказал Косанович, демонстрируя, что долгие годы дипломатической карьеры не пропали даром, — они приезжали ко мне.

— И одеяния такие интересные! — воскликнул Суизи.

— Это наше национальное, — ответил Косанович, не отрывая взгляд от фотографии и мучительно размышляя, — у нас так одеваются на Иванов день, на ночь, у нас народный праздник.

— Хорошая фотография, — сказал подошедший Гернсбек, — я Николу Теслу видел таким всего несколько раз в жизни. Когда он начинал рассказывать о других мирах, о путешествиях во времени, о высших сферах бытия, о тонких колебаниях эфира и материализации посредством резонанса, то он часто увлекался и, казалось, уносился мыслями в эти другие миры, но иногда он вдруг останавливался, глаза его распахивались и излучали какой-то неземной свет, а на лице появлялась улыбка, вот именно такая. Верно схвачено! Вот что значит действительность! Не то, что это, — он показал рукой на вторую фотографию, — хотя получилось хорошо.

— Ваша работа? — спросил Косанович.

— Нет, это было задолго до меня. Ее, если не ошибаюсь, парни Комми Мартина сварганили. Я вообще не люблю монтажи. Но именно эту, не задумываясь, повесил бы на стену. В память о Николе Тесле.

— Примите на память, вы мне очень помогли сегодня, спасибо, — Косанович протянул фотографию Гернсбеку.

— Очень признателен, — ответил тот, с поклоном принимая фотографию. — О, чуть надорвана!

— Наверно, дядя надорвал, когда вынимал из рамки.

— Тем ценнее она становится!

— Да-да, конечно, — пробормотал Косанович, вновь погружаясь в раздумья.

— Все же странное одеяние для групповой фотографии, — не унимался Суизи.

— Дядя был человеком со странностями, вы же знаете, — отмахнулся Косанович.

— Это нам, простым людям, многое в нем представлялось странным. Его образ жизни, его идеи... А он просто был великий фантазер!

— Это недалекие люди называли его фантазером, — сказал Гернсбек, — я не встречал человека, обладавшего столь же конкретным, ориентированным на практический результат мышлением. Но человечество не способно пока воспринять многие его идеи. Мы не можем знать наверняка, но может пройти много времени; прежде чем критики по-новому взглянут на историю, и тогда они сравнят Николу Теслу с Леонардо да Винчи, Архимедом, Галилеем. Да, он был именно что великим фантазером, придумщиком, и все его так называемые фантазии всегда сбывались. Или сбудутся. Рано или поздно.

Глава 14

Расследование

Последняя фраза была сказана уже в коридоре, когда Гернсбек с Суизи покинули номер Теслы. Мчавшийся на всех парах встречным курсом агент Корнелл фразу тем не менее уловил и вставил ее в свой

рапорт, отправленный с пометкой «срочно» в вашингтонскую штаб-квартиру. Прочитав ее, Гувер усмехнулся и нажал кнопку селектора.

— Вы оказались правы, мистер Гувер! — воскликнул с порога Уоксворт. — Сейф оказался пуст.

— Я всегда прав, — жестко сказал Гувер и, смягчая: — Это признают даже писатели-фантасты. О деле. У нас появился повод для вмешательства. Наследником Николы Теслы является его племянник Савва Косанович...

— Официальный посол... — с сомнением в голосе вставил Уоксворт. — Дипломатический иммунитет...

— Нам нет дела до Косановича с его дипломатическим иммунитетом. Нас интересуют документы и, возможно, модели устройств. Это — собственность. Косанович в данном случае — всего лишь иностранный подданный. Все это находится в юрисдикции Управления по делам иностранной собственности. Чтобы удержать эту собственность, временно, конечно, до оценки и взимания соответствующих налогов, не требуется даже решения суда! — возбужденно воскликнул Гувер. Он нажал кнопку селектора и приказал: — Соедините меня с мистером Горзухом, директором Управления по делам иностранной собственности.

— Соединяю, мистер Гувер! — донесся бойкий мужской голос — Гувер не терпел секретарш.

— Привет, Уолтер, — сказал Гувер, слышав щелчок телефонного аппарата.

— Привет, Джон, — настороженный ответ.

— У тебя все в порядке, я знаю, потому и не спрашиваю.

— На твоём канадском ранчо тоже все в порядке, — парировал Горзух.

— Умер Никола Тесла, — поспешил перейти к делу Гувер.

— Не по моей части. Американский подданный. Рад бы помочь, но...

— Наследник — Савва Косанович, подданный Югославии.

— Так-так-так, — в голосе Горзуха проснулся интерес.

— Дай команду своим парням в Нью-Йорке, чтобы срочно наложили арест на все имущество Теслы.

— У него нет имущества.

— Да у него на десятке складов стоят коробки черт знает с чем!

— А я думал, ты все знаешь.

— Не все. Но очень хочу узнать. Вопрос национальной безопасности.

— Это само собой, у тебя других не бывает.

— Меня интересуют документы.

— Мои парни все больше по материальным ценностям.

— Вот пусть ими и занимаются. А о прочем позаботятся эксперты. Сейчас выясним, кто у нас в Нью-Йорке, и немедленно пришлем. Надеюсь, им будет с чем работать.

— Будет. Я распоряжусь.

— С тобой приятно работать, Уолтер.

— Еще приятнее — не работать. Ты попробуй, Джон, тебе понравится. По себе знаю.

Гувер только хмыкнул в ответ и положил трубку.

— Так, Уоксворт, свяжитесь с управлениями мор-

ской разведки и военной разведки, пусть пришлют экспертов. Кстати, тот паренек, Фитцпатрик, он мне показался смышленным...

— Он призван в армию и находится на базе в Лонг-Айленде, — поспешил вставить Уоксворт.

— ...и знаком с работами Теслы. Посоветуйте привлечь его. Втолкуйте всем, что дело чрезвычайной важности, нужны лучшие специалисты, и чтоб без ведомственных свар, общее дело делаем.

— Но Управление стратегических служб — побоку, — мечтательно протянул Уоксворт.

— Только этих болтунов не хватало!

— Ох, не любил Гувер Джо Даллеса и его команду!

— Ну а мы займемся поисками шкатулки, — закончил Гувер.

* * *

Дело было простым. Так, по крайней мере, казалось агенту Корнеллу. Пятого января в шесть вечера: Никола Тесла в присутствии племянника ставит шкатулку в сейф и запирает его. Седьмого января в восемь утра: Тесла мертв, лежит весь убранный, хоть в гроб клади, а сейф заперт и пуст. Понятно, что в этот промежуток времени кто-то проник в номер, обнаружил умершего Теслу (ну совсем как он сам!), зачем-то обрядил покойника, уложил его на кровать, потом вскрыл сейф, достал шкатулку, опять запер сейф (похоже, профессионал, как и он!) и скрылся.

Расследование Корнелл начал, как учили в школе ФБР, с установления времени смерти. И не установил. Собственно, устанавливать должен был врач из службы коронара, вызванный управляющим отелем. Но

он дал широкую вилку, от вечера пятого до утра седьмого января, отговорившись тем, что в номере было холодно. От вскрытия он тоже отбрыкался, говоря, что покойный, по имеющимся сведениям, ничего не ел последние дни. А что еще может дать вскрытие? И так понятно, что Тесла умер от старости и истощения. Слово в слово это повторил и адвокат, нанятый племянником покойного, который еще заявил, что родственники категорически возражают против вскрытия. На нет и суда нет.

Версию насильственной смерти Корнелл отбросил сразу — убийцы не обряжают свои жертвы. То, что Тесла сам отдал кому-то шкатулку, было столь же невероятным — в этом случае должно было быть два посетителя, один до смерти, а другой после. Два! С одним-то возникли проблемы.

Все трое портье, дежурившие в этот промежуток времени, в один голос заявляли, что никаких подозрительных лиц они не видели.

— Был, правда, один, — сказал последний. — Скатился с лестницы и шасть к дверям.

— Так, отсюда поподробнее, — напрягся Корнелл, — во сколько это случилось, во сколько вошел, как был одет, характерные приметы.

— Вот я и говорю, — словоохотливо продолжил портье, — мимо меня внутрь он не проходил, это точно, а ночью у нас дверь на запоре, никто посторонний не прошмыгнет. Так что, либо с вечера пробрался и всю ночь где-то хоронился, либо с утра через служебный вход. Прикидываю я так, а сам в спину убегающему смотрю. И тут меня осенило: ба, да это же агент Корнелл, давно не виделись! — И расхохотался.

«Тьфу, черт, — сплюнул в сердцах Корнелл, — ну как работать с такими свидетелями?!»

— Да, вспомнил, — хлопнул себя по лбу портье, — еще один был. Похоронный агент.

— Так, отсюда поподробнее, — вновь напрягся Корнелл, — когда пришел, когда вышел, как был одет, имел ли что-нибудь в руках, характерные приметы.

— Я его вначале за водопроводчика принял, у нас в районе был водопроводчик — ну просто копия, и одет так же, и руки, знаете ли, такие, в которые гаечный ключ сам ложится. А он подходит и так вежливо говорит: я к мистеру Тесле, как он? Хорошо, говорю. Повоюет еще? Ого, отвечаю, он еще всем перцу задаст. А когда он возвращался, то вновь ко мне подошел. Достает сверток из сумки и говорит: у мистера Теслы голубка любимая умерла, похоронить просил, как в прошлый раз. Разворачивает сверток, а там действительно — голубка. Красивая такая, белая, с серыми крапинками на крыльях. Чудак был этот мистер Тесла! Надо же, голубке — и похоронного агента!

— Как он выглядел?

— Да обычно. Старый!

— А приходил до племянника мистера Теслы или после?

— Да, — уверенно ответил портье, — они с ним чуть-чуть разминулись, один вверх, другой вниз. Да вы у товарища своего уточните, у того, который племянника пасет. Хотя мог и не заметить. Куда ему до вас, агент Корнелл!

Корнелл предпочел не заметить легкий хохоток, сопровождавший последнюю фразу, и удвоил рвение. По второму разу допросил дежурных портье, управ-

ляющего, телефонисток, продавщицу табачного киоска и некоторых постояльцев, все сопоставил, проанализировал, свел воедино и установил, что последним человеком, навещавшим Теслу, был посыльный из Вестерн-Юнион. Он несколько раз появлялся в холле отеля, тут показания различались, но последний раз точно после отъезда Косановича. Продавщица табачного киоска показала, что посыльный, очень довольный, купил у нее пачку «Лаки-Страйк», сказал, что может себя побаловать, потому что мистер Тесла дал ему щедрые чаевые. Она уже собиралась закрыться, то есть было около шести.

Корнелл провел допрос Карригена по всем правилам, искусно усыпил бдительность свидетеля ничего не значащими вопросами, а потом огорошил:

— Что поручил вам мистер Тесла?

— Он вручил мне шкатулку...

* * *

— Мистер Джермен!

Глава нью-йоркского отделения Управления по делам иностранной собственности Ирвинг Джермен напрягся, услышав голос непосредственного и одновременно высшего начальства, и бодро ответил:

— Да, сэр!

— Скончался Никола Тесла.

— Это кто такой? — Джермен отбросил показное чиновничество, в конце концов, он был женат на любимой племяннице Уолтера Горзуха и мог позволить себе некоторые вольности.

— Стыдно, молодой человек! Никола Тесла — ве-

ликий изобретатель, гордость Соединенных Штатов Америки.

— А что он изобрел?

— Ох-ох-ох, куда катится Америка? Никола Тесла изобрел переменный электрический ток.

— Насколько я помню, я покинул материнскую утробу при ярком электрическом освещении, даже излишне ярком, как мне тогда показалось.

— Все шутить! Но случилось это действительно до твоего рождения, задолго до.

— Сколько лет было этому Мифосаулу?

— Мафусаилу, с твоего позволения. Почти столько же, под девяносто.

— Не приведи господи!

— А еще, по слухам, он изобрел «лучи смерти».

— Это когда же? На днях?

— Будь серьезнее! Изобрел или не изобрел, никто точно не знает, но все сходятся во мнении, что вполне мог изобрести. Он был, как я уже говорил, великий изобретатель, настоящий изобретатель.

— То есть сумасшедший?

— Не без этого.

— Час от часу не легче.

— Тебе не придется иметь с ним дела.

— Это утешает.

— Будь серьезнее! — в очередной раз призвал Горзук. — Необходимо срочно наложить арест на все имущество Николы Теслы.

— Незаконное изъятие собственности. Дело «Майкл Голдштейн против Соединенных Штатов», — блеснул эрудицией Джермен.

— Все чисто. У него наследники — в Европе. Начни

со склада на Манхэттене, угол Пятьдесят второй улицы и Седьмой авеню. Туда Тесла переправил все имущество из своего последнего офиса. На него, то есть на имущество, уже покушались владельцы склада, Тесла не платил за хранение. У него была такая привычка — не платить.

— Очень милая привычка!

— Да, поэтому после склада проверь все отели, где он когда-либо жил, вполне возможно, что там на складах или в залоге тоже имеются документы.

— Так что нас интересует: имущество или документы?

— Документы, документы. Чертежи, расчеты, описания экспериментов — все!

— То есть изымаю всю эту макулатуру?

— Всю не надо. Оставь что-нибудь наследникам на память. К тебе в помощь придут эксперты. Твое дело — обеспечить контроль над имуществом и отгонять адвокатов наследников, если они появятся. Все! Приступай! Эксперты придут на манхэттенский склад. Будет очень некрасиво, если они придут туда раньше тебя.

«Почему я, будущее светило американской юриспруденции, должен заниматься такой ерундой, да еще за нищенское жалование государственного служащего? — думал Джермен, направляясь на пересечение Пятьдесят второй улицы и Седьмой авеню. — Ведь я мог бы вести дела крупнейших американских компаний с исками в десятки миллионов, получать сотню баксов в час гонорара, не считая процента от выигранных сумм, не сходить с первых полос газет и, — он тяжело вздохнул, — вести жизнь холостого плейбоя.

А вместо этого, — продолжал он через какое-то время, — я должен пересчитывать на пыльном складе, — он сверился с описью, — двенадцать запертых металлических ящиков, пять бочонков, восемь сундуков, тридцать пять металлических коробок и одну украденную шкатулку. Что за черт!»

— Эй, мистер О'Салливан, — обратился он к стоявшему рядом сторожу склада, — где шкатулка?

— Да вот же она, сэр. Стальная шкатулка, просто в пыли. Ведь к этим вещам, почитай, десять лет никто не притрагивался.

— Фьють! — присвистнул Джермен. — За десять лет много воды утекло.

«Особенно в технике, — прибавил он про себя. — Все, изобретенное десять лет назад, сегодня — безнадёжное старье!»

Вид и чины прибывавших один за другим экспертов несколько поколебали его пренебрежительное отношение. Полковник Ральф Гетти из военного разведывательного управления приехал на джипе со стенографистом и фотографом. Морская разведка делегировала почему-то гражданского агента Уиллиса Джорджа в сопровождении сержанта. Надутый профессор Джон Трамп компенсировал несолидное такси долгим перечнем своих регалий: директор и основатель Лаборатории по исследованию высокого напряжения Массачусетского технологического института, секретарь комитета по исследованию сверхвысоких частот в национальном совете по военным исследованиям Управления научных исследований и разработок, и прочая, и прочая. Мистер Ритчен из департамента юстиции отрекомендовался предста-

вителем антимонопольного управления, но при этом подмигнул. Но больше всех поразил Джермена молодой, моложе его самого, парень в форме с капральскими нашивками, представившийся Блойсом Фитцпатриком — «армия США!». В нем Джермен почувствовал родственную душу. И эта душа трепетала от вожделения и предвкушения.

Впрочем, все быстро вернулось на круги своя. Вскрыли первый ящик.

— Корм для птиц! — возвестил профессор Трамп.

— Старик любил это дело — кормить голубей, — прокомментировал Фитцпатрик.

Вскрыли второй ящик.

— Корм для птиц! — вновь возвестил профессор Трамп.

— Старик любил порядок. Голуби, порядок, гигиена — три главных бзика, — вновь прокомментировал Фитцпатрик.

— Каждому гению позволительно иметь бзики, — заметил полковник Гетти.

Джермен не заметил уважительных интонаций Фитцпатрика, пропустил слово «гению» в высказывании Гетти. Он лишь утвердился в первоначальном мнении, что этот Тесла был выжившим из ума стариком. «Возможно, он помешался, потому что слишком долго кормил голубей», — подумал он и отошел в сторону, чтобы не дышать мелкой пылью, поднявшейся над открытыми ящиками. Вскоре к нему присоединились остальные, за исключением Трампа и Фитцпатрика. Собственно, только эти двое и могли реально оценить содержимое документов. «Если они будут», — подумал Джермен.

Добрались и до бумаг. Трамп и Фитцпатрик быстро просматривали их, какие-то складывали в общую стопку, постепенно высившуюся между ними, какие-то небрежно возвращали на место.

— Вы только посмотрите на это, коллега, это же полный бред, — доносилось до Джермена.

— Это что! Вы вот на это гляньте, профессор!

— А-а, это черновик патента, полученного, если не ошибаюсь, в 1921 году.

— И это что — работает?

— В ЕГО руках — да.

— Обалдеть!

Так переговариваясь, Трамп с Фитцпатриком украдкой бросали друг на друга быстрые взгляды. Вот Трамп, уловив момент, сунул в карман пиджака несколько скрепленных листов бумаги, вероятно, с неопубликованной статьей. Вскоре Фитцпатрик, напустив пренебрежительный вид, сложил вчетверо какую-то схему и опустил в карман кителя. Всего этого Джермен не видел. Он откровенно скучал. Наконец он повернулся к полковнику Гетти.

— Полковник! Я обеспечил вам плацдарм для боевых действий. Полагаю свое дальнейшее пребывание здесь излишним. Намереваюсь отправиться в отель «Нью-Йоркер», где последние годы жил ответчик.

— Вольно, рядовой Джермен, — в тон ему ответил Гетти, — мы присоединимся к вам, если быстро устроимся здесь.

— Настоятельно рекомендую посетить отель «Губернатор Клинтон», — раздался скрипучий голос Трампа, — по слухам, в сейфе отеля хранится действующее устройство для генерирования лучей смерти.

— Классная шутка, — рассмеялся Джермен.

Его смех никто не поддержал. «Вояки! Никакого чувства юмора!» — подумал Джермен и покинул помещение склада.

* * *

Агент Корнелл всегда был рад откликнуться на добрую шутку и поделиться услышанной шуткой с другом.

— Ирвинг! Какими судьбами? — приветствовал он Джермена, вошедшего в кабинет управляющего отеля «Нью-Йоркер».

— Похоже, мы опять работаем по одному делу, агент Корнелл, — ответил Джермен, — привет, старина, рад тебя видеть.

— Ты только послушай, что он рассказывает, — сказал Корнелл, заливаясь смехом, и продолжил, повернувшись к сидевшему на стуле посреди кабинета немолодому человеку в форме «Вестерн Юнион»: — Давайте, Карриган, повторите свои показания. Мистер Джермен — свой человек, он никому этого не расскажет, — и Корнелл вновь зашелся в смехе.

— Мистер Тесла позвонил к нам в офис пятого января около полудня, время можно уточнить у менеджера, и вызвал посыльного, то есть конкретно меня, как всегда, — понуро начал свой рассказ Карриган, — я думал, что мистер Тесла хочет поручить мне покормить голубей у здания Публичной библиотеки, я не раз оказывал ему эту услугу. Он очень любил голубей! Но на этот раз у него было другое поручение. Он дал мне шкатулку, письмо и деньги, сто долларов,

двадцатки, десятки, пятерки. И попросил отнести все это по адресу, указанному на конверте.

— Ну же, что было написано на конверте? — Корнелл аж подпрыгивал от нетерпения.

— Пятая Южная авеню...

— Пятой Южной авеню нет уже лет двадцать, Ирвинг! Но это цветочки! — Корнелл обернулся к Карригану и вкрадчиво спросил: — И кого же просил найти мистер Тесла на Пятой Южной авеню?

— Марка Твена, сэр, — выдавил Карриган.

Джермен был достаточно подготовлен к сюрпризу, но такого не ожидал. Он схватился руками за живот, содрогаясь от смеха, потом пробежался по кабинету, поочередно вскидывая согнутые в локтях руки со сжатыми кулаками, потом нашел другое применение кулакам и побарабанил ими в стену и заключил пантомиму медленным сползанием по той же стене.

— Есть! — поддержал его агент Корнелл, сопроводив возглас энергичным жестом.

— Я уже понял, что этот Тесла был сумасшедшим, — сказал Джермен, утирая выступившие от смеха слезы, — но оказывается, он был сумасшедшим, впадшим в маразм. Обхохочешься!

— Круглый сумасшедший! — подхватил Корнелл.

— Нет, сумасшедший в квадрате!

— Мистер Тесла не был сумасшедшим, — с обидой в голосе прошептал Карриган, — он был умнее всех нас.

— Что вы сказали? — немедленно отреагировал Корнелл. — Нет, Ирвинг, ты слышал, что он сказал?! Мало того, что сравнил нас с сумасшедшим стариком, так еще поставил себя на одну доску с нами.

А мы сейчас посмотрим! Что вы сделали, Карриган, получив такое поручение?

— Я отправился на Западный Бродвей... — ответил Карриган, сглотнув слюну.

— Ну же, дальше, — подтолкнул его Корнелл.

— Искать мистера Марка Твена, — тихо закончил Карриган.

Эти слова вызвали новый взрыв хохота.

— И после этого он смеет говорить, что он такой же нормальный, как и мы, — воскликнул Корнелл, всхлипывая, — нет, он такой же сумасшедший, как и его мистер Тесла.

— А может быть, он не знал, что Марк Твен давно умер, — сказал сквозь смех Джермен и тут же уточнил: — Карриган, вы знали, что Марк Твен давно умер?

— Знал, — ответил посылный.

— И все же пошли?!

— Пошел.

— И искали? Людей опрашивали? Дома обходили?

— Искал, два часа искал.

— Но зачем?!

— Так сказал мистер Тесла, — твердо ответил Карриган, — мистер Тесла никогда не ошибался. И он сказал, что беседовал с Марком Твеном за два дня до этого.

— Таинственный посетитель у мистера Теслы! — встрепенулся Корнелл. — Что вам известно? Поподробнее! Когда пришел? Когда ушел? Характерные приметы?

— Сто лет, скелет скрипучий, оскал черепа широкий, — поддержал игру Джермен.

— Нет, он молодой, высокий и мосластый, с рас-

трепанной шевелюрой и пышными усами, — сказал Карриган.

— Так вы нашли Марка Твена? — еще пуще разве-
селился Джермен. — Где? В рамке на стене?

— Я не нашел мистера Марка Твена на Западном
Бродвее, — сказал Карриган.

— Чистосердечное признание облегчает душу и
участь! — возвестил Корнелл.

— И что вы сделали, Карриган? — спросил Джер-
мен. — Наверно, не желая расстраивать любимого
клиента, сказали, что передали посылку по назначе-
нию, а денежки прикарманили. Признайтесь! Денеж-
ки останутся при вас, они нас не интересуют, не так
ли, агент Корнелл?

— Так, так, — ответил Корнелл.

Эти мальчишки посмели усомниться в его честно-
сти и профессионализме! Никто и никогда не наносил
Карригану такого оскорбления.

— Нет, я вернулся к мистеру Тесле и вернул ему
шкатулку, письмо и деньги, все до цента, — сказал он.

— И это все? Мистер Тесла больше не давал вам
никаких поручений? — вкрадчиво спросил Корнелл.

«Он наверняка знает, что в тот день я был в номе-
ре мистера Теслы трижды, — подумал Карриган. —
Сказать, что я вновь отправился на поиски, на этот
раз Сэмюэля Клеменса? Олять ведь засмеют. Им
лишь бы погоготать».

— Давал, — сказал он. — Мистер Тесла попросил
меня покормить голубей у Публичной библиотеки, как
обычно. Он дал мне пакетик с кормом, у него в номере
есть целая большая коробка с этим кормом...

— Ох уж эти коробки с кормом! — рассмеялся Джермен. — Везде эти коробки!

— Я отправился к Публичной библиотеке, — продолжил Карриган, сжав кулаки, — покормил голубей и вернулся к мистеру Тесле доложить, что его поручение исполнено в точности. Он дал мне чаевые, щедрые чаевые...

— А за проживание в отеле при этом не платил, — вставил Джермен, — удивительный был тип!

— Удивительный, — согласно кивнул головой Карриган, — и щедрый. Мистер Тесла был щедр к нам, простым, работающим людям, и терпеть не мог бездельников. Я поблагодарил его и спустился вниз в холл отеля, поболтал с Лайзой, она хорошая девушка, купил у нее пачку «Лаки-Страйк», подождал ее немного — она закрывала киоск, потом проводил ее к метро. Это по дороге к офису «Вестерн Юнион», — уточнил он, чтобы насмешники не подумали, что он попусту транжирит рабочее время.

«Все так, все совпадает», — подумал агент Корнелл. Последние детали лишний раз уверили его в правдивости всего рассказа. И он отпустил Карригана.

* * *

Смех смехом, а дело нисколько не продвинулось. Необходимо было допросить племянника покойного, но тот устами одной из своих секретарш, мисс Шарлотты Музар, упорно отказывался, ссылаясь на дипломатический иммунитет и заботы по организации похорон. При этом у Косановича нашлось время на-

нять Филипа Виттенберга из адвокатской конторы «Виттенберг, Кэррингтон и Фарнсворт», чтобы тот представлял его интересы в этом деле. Адвокат, как водится, немедленно принялся вставлять всем палки в колеса, в первую очередь Ирвингу Джермену, но перед аргументами Корнелла не устоял и уговорил своего клиента дать «интервью» агенту ФБР в номере его отеля на Централ-парк-саут. Назначено оно было на утро следующего дня. Чтобы как-то заполнить время, Корнелл решил допросить горничную, убиравшую номер Теслы в злополучный день пятого января.

«Опять эта клуша, — подумал Корнелл, окидывая взглядом вошедшую в кабинет Дороти, — ишь как мнет руками передник. Не привыкла, чай, держать ответ перед агентом ФБР. А вот мы сейчас тебя!..»

Он решил применить еще один прием допроса из обширного арсенала, преподанного ему в школе ФБР. Сверившись со справкой, представленной управляющим отеля, он начал задушевым голосом:

— Что ж, Дороти, позвольте мне вас так называть по доброму моему к вам отношению, я вижу, что вы хорошая, честная, работающая девушка, итак, Дороти, нам все известно, так что вы своим рассказом не причините никому никакого вреда, а поможете многим, всему американскому народу. Кому просил вас покойный мистер Тесла передать шкатулку? — внезапно огорошил он «клушу» вопросом, собственно, в этом и состоял прием.

— Покойный мистер Тесла ни о чем меня не просил, — ответила Дороти, — как он мог попросить?

— Кому просил вас мистер Тесла передать шка-

тулку позавчера, пятого января? — переформулировал вопрос Корнелл.

— Никому, — ответила Дороти и впервые подняла глаза, излучавшие полнейшее чистосердечие.

— Вы понимаете, Дороти, о чем я спрашиваю?

— Я коренная американка, мистер, если именно это вас интересует, и понимаю американский язык.

— Ни секунды в этом не сомневался! И имел в виду, понимаете ли вы, о какой шкатулке идет речь?

— О какой?

— Давайте зайдем с другой стороны. Вы убирались в номере мистера Теслы в то утро. Видели ли вы какую-нибудь шкатулку?

— Да, видела.

— Какую?

— Ну, вот такую, — Дороти показала руками размеры шкатулки, — деревянную, красного дерева, с врезным замочком.

— Очень хорошо, именно о ней я и говорю. Видите, нам все известно! Держали ли вы ее в руках? Возможно, вы при уборке переставляли ее с места на место.

— Да, держала, — коротко ответила Дороти.

— А не проявлял ли мистер Тесла беспокойства, когда вы взяли шкатулку в руки?

— Нет, нисколько. Но он сказал, что я должна бережно относиться к ней.

— А что еще сказал мистер Тесла?

— О, он в то утро много говорил, необычно много. Мне показалось, что ему просто захотелось поболтать. Он ведь все время один. Ни жены, ни семьи. Вот он и принялся расспрашивать меня о моей семье,

о муже, о детях, почему я работаю, верую ли в бога, в общем, обо всем.

— А о шкатулке он что-нибудь говорил?

— Нет, он же меня расспрашивал о моей семье. Ах да, он сказал, что в дом, в котором находится такая шкатулка, никогда не попадет молния.

— Это был громоотвод? — И, уловив непонимание: — В шкатулке был какой-нибудь прибор?

— Откуда же мне знать?

— Ну, по весу. Приборы — они обычно из металла, тяжелые.

— Нет, вряд ли. Я так поняла, что там бумаги. То есть шкатулка была тяжелой, но не очень.

— Хотите что-нибудь еще рассказать, Дороти?

— Не хочу.

— Ну ладно, идите.

«Как хорошо получилось, — думала Дороти, идя по коридору, — и поручение мистера Теслы выполнила, и шкатулку сохранила, и ни разу не сказала неправды». Да, она была хорошей и честной женщиной, в чем в чем, а в этом агент Корнелл не ошибся. «И теперь в наш дом никогда не попадет молния!» Женщина! Что тут еще сказать?

* * *

Ирвинг Джермен тоже трудился не покладая рук. Он впервые сталкивался с ситуацией, чтобы человек возраста и положения Теслы имел так мало имущества (бумаги, за исключением ценных, Джермен к имуществу не относил) и при этом так щедро им разбрасывался. В каждом отеле, где проживал Тесла, непременно на складе хранились оставленные им

шкатулки, коробки, ящики, сундуки и бочонки. В «Нью-Йоркере», «Губернаторе Клинтоне», «Пенсильвании», «Сент-Регисе», «Герлахе» и даже в «Уолдорф-Астории», из которой Тесла съехал (вышибли, не преминул мстительно подчеркнуть Джермен) четверть века назад. Казалось бы, зачем владельцам этот старый, никому не нужный хлам? Ан нет, хранили и выдавали только по ордеру, с детальной описью и под расписку. Особенно тяжело пришлось в «Губернаторе Клинтоне». Управляющий ни за что не хотел отдавать некую шкатулку, которую Тесла лично положил в большой сейф, стоявший в подвале отеля.

— Это залог! — кричал он. — Мистер Тесла, выезжая, остался должен за проживание четыре тысячи долларов. И он оставил это в качестве залога. Мистер Тесла сказал, что это стоит не меньше десяти тысяч долларов!

— Что — это?

— Это все знают! Прибор, производящий лучи смерти! Мистер Тесла сказал, что с его помощью можно сбивать самолеты и разрушать укрепления на расстоянии до двухсот миль. А еще он сказал, что если посторонний человек попытается открыть шкатулку, то разнесет в пыль не только этого человека, не только наш отель, но и половину Нью-Йорка.

«Никогда не надо перебарщивать, — подумал Джермен, — с половиной Нью-Йорка вышел явный перебор, значит, и все остальное — блеф».

— И вообще, я не понимаю, что вы здесь делаете, — продолжал разоряться управляющий, — это — имущество не мистера Теслы, это — наше имущество. Не отдам! Только через мой труп по решению суда!

Пришлось призывать на помощь полковника Гетти со всей его военно-разведывательной командой.

— Мы одним глазком глянем и — немедленно вернем, — задумчиво сказал полковник Гетти.

Управляющий согласился выдать шкатулку, но — вместе с сейфом и при условии, что смотреть будут на другом конце Нью-Йорка. Так далеко сейф, конечно, не повезли, его из подвала — то еле выволокли, так что отвезли на манхэттенский склад. Туда же доставили имущество Теслы из других отелей.

На следующее утро контора управляющего манхэттенским складом не смогла вместить всех желающих поприсутствовать при вскрытии и экспертизе архивов Николы Теслы. Прибыли из Вашингтона главный инспектор Чарльз Хедетнеми и начальник розыскной службы Джон Ньютон из Управления по делам иностранной собственности, служба морской разведки укрепила ряды старшими делопроизводителями Джоном Корбеттом и Эдвардом Палмером, департамент юстиции прислал в помощь Ритчену главу особого подразделения военной полиции Лоуренса Смита, полковник Гетти прихватил с собой двух подполковников и трех майоров, фамилии которых Джермен уже не смог запомнить, у него и так голова шла кругом. Отдельной группой стояли представители наследника — Филип Виттенберг со своими компаньонами Кэррингтоном и Фарнсвортом, с двумя секретаршами, державшими наготове блокноты для стенографирования, и фотографом, увешанным фотоаппаратами. Впрочем, внутрь склада попали далеко не все, а из своры адвокатов — так и вовсе никто.

Застрельщиками, как и вчера, выступали Трамп и Фитцпатрик. Они методично осматривали реликвии, добытые Джерменом.

— А это откуда? — спросил Фитцпатрик, указывая на деревянный ящик почти кубической формы, размером в полметра, с круглыми ручками и тумблерами, которые придавали ему вид допотопного радиоприемника.

— Стоял в номере Теслы в «Нью-Йоркере», — ответил Джермен, — вон в той коробке — бумаги из номера, а больше там брать нечего было, одежда, обувь, ну и корм для голубей, конечно, — хохотнул он.

Фитцпатрик между тем обследовал ящик. Подцепил пальцем верхнюю крышку, она поднялась, открыв находившееся под ней прозрачное стекло, вделанное в стенки. Нажал на какую-то планку, она откинулась, выкинув наружу электрический провод с вилкой. Фитцпатрик принялся крутить ручки, одна не поддавалась, тогда он потянул ее на себя и выдвинул ящичек, в котором располагались какие-то устройства, какие — Джермен не разглядел, а если бы и разглядел, то все равно ничего бы не понял. Но Фитцпатрик что-то смекнул. Он отволол ящик к стене; где находилась электрическая розетка, воткнул в нее вилку. Ящик тихо загудел, стекло озарилось ярким светом. Потом Фитцпатрик вынул из кармана какой-то испи-санный листок и положил его на стекло текотом вниз. Пошарил вокруг взглядом, потом открыл первую попавшуюся коробку, вытащил лист бумаги, положил его в ящичек чистой стороной вверх. Задвинул ящичек, опустил крышку, нажал тумблер. Ящик заурчал, поурчал и стих. Фитцпатрик выдвинул ящичек, вынул

лист бумаги, удовлетворенно кивнул и протянул его Джермену.

— Отличная копировальная машина, — сказал он, — я бы от такой не отказался.

Джермен посмотрел на лист бумаги. На нем четко проступал текст, написанный женским почерком и начинавшийся словами: «Какая же ты сволочь, Блойс Фитцпатрик! Гнусная ирландская сволочь!»

Джермен почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. Он обернулся — надутый Трамп.

— Молодой человек, когда мы приступим, наконец, к делу? — Он потянул Джермена к большому сейфу из «Губернатора Клинтона». — Ну, открывайте же!

Джермен достал листок бумаги с шифром, продиктованным ему вчера управляющим отеля, повернул ручку сейфа вправо-влево. Раздался щелчок. Он потянул дверь на себя. Внутри стояла очередная шкатулка, деревянная, цвета мореного дуба, обитая медью, с обычной защелкой вместо замка.

— Прошу, профессор, — он отодвинулся в сторону и сделал широкий приглашающий жест, — перед вами — генератор лучей смерти! — выкрикнул он с интонацией эстрадного конференсье и рассмеялся.

Никто не присоединился к его смеху. Более того, многие поспешили покинуть помещение, сославшись на духоту и изъявив желание подышать свежим воздухом. Даже неугомонный Фитцпатрик бросил небрежно: «Пойду покурю, пока суть да дело», — и исчез. Остался один лишь полковник Гетти, стоявший с непроницаемым лицом. «Вот что значит военная косточка, — подумал Джермен, — или это у него от недостатка воображения?» Свое спокойствие он при-

писывал исключительно собственному здравомыслию. Какие такие лучи смерти?! Сказки для идиотов, читающих желтые таблоиды! То есть лучи смерти, конечно, могут быть, ученые еще и не такое придумают, но то ж настоящие ученые из крупных лабораторий, оснащенных по последнему слову техники, а не безумный старик, десять последних лет просидевший в номере отеля, кормя голубей. Опять же для производства лучей смерти, способных уничтожать самолеты и разрушать укрепления на расстоянии двухсот миль, нужна установка никак не меньше орудия главного калибра линкора «Индепенденс», а тут какая-то шкатулка! Право, смешно! Что этот профессор медлит?!

Действительно, Трамп, десятью минутами раньше сгоравший от нетерпения, теперь пребывал в какой-то странной нерешительности. Он то делал шаг к сейфу, протягивая руки к шкатулке, то вдруг опускал их и отступал назад. Вот он, наконец, повел вокруг взглядом — так осужденный на смерть, перед тем как положить голову на плаху, вбирает в себя все краски мира — глубоко вздохнул, резко выдохнул, незаметно перекрестился и — открыл шкатулку. Ничего не произошло. Трамп вновь вздохнул, на этот раз разочарованно. Джермен подошел к нему и заглянул через плечо в сейф. Внутри коробки лежали какие-то продолговатые штуковины.

— Что это такое? — спросил он.

— Магазин сопротивлений, — ответил Трамп, — используется для измерения параметров мостов сопротивления.

«Магазин, мосты — ну и термины у этих ученых», — подумал Джермен.

— Старинная штука, — сказал подошедший ближе полковник Гетти, — возможно, прошлого века, у моего деда была такая же, я играл ею в детстве.

— Какая жалость! — воскликнул Трамп.

Джермен не был идиотом, и здравомыслия ему было не занимать. Ближе к вечеру, сопоставив факты, он разыскал по телефону агента Корнелла и попросил его приехать на склад, прихватив следственные причиндалы.

— Не нравится мне это, приятель, — сказал он, подробно описав утренние события.

— Ты уверен, что шкатулку никто больше не трогал, кроме профессора Трампа? — уточнил Корнелл.

— Никто. Я все время стоял рядом, а потом лично запер сейф.

— Открывай!

Корнелл надел тонкие перчатки, аккуратно вынул шкатулку из сейфа, поставил на столик, опылил порошком для снятия отпечатков пальцев, взял большую лупу.

— Посвети! Профессор сделал так?

Корнелл поднес средние пальцы обеих рук к боковым стенкам шкатулки и сделал резкое движение большими пальцами, как бы откидывая крышку.

— Точно!

— Здесь больше нет никаких отпечатков пальцев.

— Во всех отелях, где я был, все в один голос утверждали, что этот Тесла был помешан на чистоте и не снимал перчаток.

— Он-то, может быть, и не снимал, но вот другие...

Поверь, старина, никаких отпечатков, даже смазанных, не бывает только там, где их стирают специально. Так, говоришь, полковник Гетти вполне мог слышать шифр замка сейфа, который сообщил тебе управляющий отелем?

Джермен кивнул. Друзья немного помолчали.

— И зачем это полковнику Гетти? — сказал наконец Корнелл, глубокомысленно устремив взгляд в потолок.

— Конкуренция ведомств, — предложил объяснение Джермен, — решил монополизировать изобретение.

— Ты же утверждал, что там не могло быть ничего стоящего, — напомнил Корнелл.

— Это мы с тобой знаем, а полковник мог и не знать. Он к этому Тесле относился с каким-то непонятным пиететом. Что будем с этим делать?

— Ты бы лучше задал этот вопрос себе, прежде чем меня вызывать, — проворчал Корнелл. — Получил, что хотел, а теперь: что будем с этим делать?

— Полковник Гетти — наш человек, — убежденно сказал Джермен.

— Кто бы сомневался!

— А расследование наше — частное...

— Это точно, как доказательство никто не примет.

— Так забыли... — Джермен многозначительно посмотрел на Корнелла.

— О чем ты, приятель? — понимающе улыбнулся Корнелл.

И друзья дружно расхохотались.

* * *

Корнелл был по натуре оптимистом. Он раскрыл это дело! И если кто-нибудь посмеет сказать, что результата нет как нет, он парирует, что все, что в человеческих силах, он сделал.

Последние штрихи в картину внесли показания племянника покойного. Исключительно из уважения к сану посла дружественной Америке державы Корнелл не вызвал его в управление, а лично прибыл в отель, где тот проживал. Господин Косанович принял его в присутствии адвоката, Филипа Виттенберга, еще одного неожиданно появившегося родственника, тоже племянника Николы Теслы, тоже Николы — Трбоевича, и еще одной пожилой дамы, которая не говорила по-английски или делала вид, что не говорит, чтобы уклониться от представления и объяснений. Господин Косанович проявил полную искренность, открытость и готовность к сотрудничеству. Он не попался в маленькую ловушку, расставленную ему Корнеллом.

— Давайте уточним, — сказал Корнелл, — согласно показаниям горничной и посыльного из «Вестерн Юнион» шкатулка была черного дерева, с отделанными медью углами...

— Они что-то путают или говорят о какой-то другой шкатулке, — спокойно прервал его Косанович, — мистер Тесла показал мне шкатулку красного дерева с отделанным медью врезным замком и именно ее поставил в сейф.

Не попался и даже нисколько не обиделся на эту маленькую ловушку.

— Было ли что-нибудь еще в сейфе? — спросил Корнелл.

— Нет. Я это запомнил точно, потому что удивился этому факту. Я полагал, что дядя хранит в этом сейфе бумаги и, возможно, деньги.

— А когда вы вскрыли сейф... — подтолкнул его Корнелл.

— Я испытал еще большее удивление. Шкатулки не было. Вместо нее в сейфе лежали две фотографии.

— Какие? Вы позволите мне взглянуть на них?

— К сожалению, одну из них я не могу предъявить вам, агент Корнелл. Я тогда же подарил ее на память Хьюго Гернсбеку, известному писателю, присутствовавшему при процедуре вскрытия сейфа. Впрочем, фотография эта широко известна и воспроизведена во множестве изданий. Она висела на стене в номере, в рамке.

— Да, мы обнаружили пустую рамку, — кивнул Корнелл. — Почему мистер Тесла положил фотографию в сейф?

— Не знаю и не имею на этот счет никаких предположений.

— Хорошо. А вторая фотография?

— Вот она, — Косанович протянул Корнеллу фотографию.

— Вам известны лица, изображенные вместе с мистером Теслой на этой фотографии?

— Да, конечно, — ответил Косанович, — это близкие родственники мистера Теслы.

— Это семейная фотография, — сказал второй племянник Теслы.

Дама, не говорящая по-английски, кивнула головой.

— Это частная фотография, — уточнил на всякий случай адвокат.

— У вас есть какие-нибудь предположения, кто мог похитить шкатулку?

— Похитить? Нет, — пожал плечами Косанович.

Корнелл чутко уловил какую-то заминку в ответе свидетеля и немного нажал.

— Но вы ведь заметили нечто необычное, не так ли, господин Косанович?

— Вы очень проницательны, агент Корнелл. У дяди в тот день был посетитель. Я слышал два голоса, когда подошел к двери номера. Один голос — дяди, второй был мне неизвестен. Но когда я вошел в номер, там никого не было.

— Вы уверены в этом?

— Да. Я был, естественно, заинтригован таинственным посетителем и предпринял определенные действия, чтобы установить его личность. Я изыскал возможность заглянуть во все шкафы, за шторы, в ванную комнату, в спальню, кабинет. Я никого не обнаружил.

— А вы не пробовали спросить у мистера Теслы, кто был у него?

— Почему же, спросил.

— И что он ответил? — напрягся Корнелл.

— Чертям и призракам запрещено наружу выходить иной дорогой, чем внутрь вошли; закон на это строгий, — воспроизвел Косанович ответ Теслы.

— Это что — шутка? — спросил Корнелл.

— Нет, это цитата из «Фауста» Гёте, немецкого

поэта конца позапрошлого, начала прошлого века, — уточнил Косанович, — дядя часто его цитировал, по поводу и без повода. То есть это окружающим иногда казалось, что без повода, а потом вдруг оказывалось, что очень даже по поводу. Это было как откровение или пророчество, оно всегда сбывалось.

— И что это означало?

— Я полагаю, что дядя точно указал личность посетителя.

— И-и-и, — протянул Корнелл.

— Это был дьявол, — просто ответил Косанович.

— Мы из Сербии, — сказал зачем-то второй племянник Теслы.

— Обычное дело, — пожала плечами дама, не говорившая по-английски.

— У них в Европе общение с дьяволом — обычная практика, — суммировал адвокат.

Агент Корнелл был совсем не прост, его на мякине не проведешь. Вернувшись после допроса в отель «Нью-Йоркер», он открыл опечатанный номер Теслы и еще раз все тщательно обследовал. Никаких потайных мест он не обнаружил. Даже при беглом осмотре Косанович, который несомненно хотел найти неизвестного посетителя, его бы нашел. Через дверь тот выйти не мог. Оставалось окно, всегда открытое окно в номере Теслы, собственно, на окно Тесла и указал, однозначно. Агент Корнелл обследовал окно, уделив особое внимание подоконникам, залепанным птичьим пометом. Никаких следов он не обнаружил. Вылезти в окно и не вляпаться в это дерьмо способен был только дьявол. Да и то, если он не вылез, а вылетел.

Что ж, все сходилось. С утра горничная видит и даже держит в руках шкатулку. В полдень Тесла вызывает посыльного и вручает ему шкатулку для передачи Марку Твену. Не найдя Марка Твена, посыльный возвращает шкатулку Тесле. После этого Теслу посещает дьявол, его старый приятель по Европе. Хотя нельзя исключать возможность, что дьявол пришел раньше и во время повторного посещения посыльного скрылся от него в туалете. Тесла беседует с дьяволом, конец этой беседы слышит подошедший Косанович. Заслышав звук отпираемой двери, дьявол поспешно вылетает в окно. Тесла показывает племяннику шкатулку и ставит ее в сейф. Этой или следующей ночью Тесла умирает. Дьявол прилетает за его душой. В знак уважения к своему давнему клиенту он обряжает его брэнное тело и укладывает на кровать. Затем, прихватив душу и шкатулку, он отправляется к себе в преисподнюю. Вполне вероятно, что в шкатулке находился контракт на куплю-продажу души, подписанный заинтересованными сторонами. Все это, включая детально описание произведенных следственных действий, агент Корнелл изложил в своем рапорте высшему начальству, который и отправил с пометкой «срочно».

Хотя и понимал, что в пометке этой не было никакой надобности, коли речь шла о вечности.

* * *

— Он все-таки провел нас! — воскликнул Гувейр, читая рапорт Корнелла.

— Кто? Таинственный незнакомец? — спросил Уоксворт.

— Вот дьявол! — вновь воскликнул Гувер, отбрасывая рапорт.

— Вы всерьез принимаете эту версию, сэр? — изумился Уоксворт.

— Без дьявола здесь не обошлось, — кивнул головой Гувер, — я даже знаю, как зовут этого дьявола. Его зовут... — Он замолчал, с удовольствием наблюдая, как глаза подчиненного вылезают из орбит. — Его зовут, — медленно проговорил он и выстрелил: — Никола Тесла. Вот с кем я с удовольствием бы поговорил!

— Боюсь, что вам этого не удастся, сэр...

— Как знать, как знать...

— Тело Николы Теслы вчера кремировано.

— Даже так... Весьма поспешно. Без вскрытия, освидетельствования и всего такого прочего. И концы в воду. Вернее, пепел по ветру, а шкатулка — в преисподнюю. Ну нет! Такие шкатулки не пропадают. Вернее, не пропадают содержащиеся в них бумаги. И они не горят, потому что в них никогда не попадают молнии. Хм! Они появляются, когда приходит срок. Они появятся, дайте срок. Уоксворт, подготовьте распоряжение. Всем подразделениям и агентам ФБР. Приложите максимальные усилия для поиска местоположения документов покойного доктора Николы Теслы. Особое внимание уделите обнаружению... Дайте подробное описание шкатулки. Ввиду чрезвычайной важности этих документов просим сообщать о любых попытках других организаций и частных лиц получить их. Распоряжение не имеет срока действия. Директор Федерального бюро расследований Джей Эдгар Гувер.